

Делия Росси
ХРИЗАНТЕМА
С ШИПАМИ

16+

Делия Росси

Хризантема с шипами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66808303

SelfPub; 2021

Аннотация

Что ждет одинокую женщину, приехавшую в незнакомый маленький городок на окраине королевства? Любопытство горожан? Новые знакомства? А если не все из них будут приятными? А если любопытство проявит не кто-нибудь, а сам хозяин графства? Все эти вопросы предстоит решить Александре Эйден. А еще ей придется разобраться с собственной жизнью, раскрыть несколько тайн и попробовать найти свое счастье.

Содержание

ГЛАВА 1	7
Александра Эйден	7
Редклиф Бенси	16
Александра Эйден	19
Редклиф Бенси	34
Александра Эйден	36
ГЛАВА 2	43
Александра Эйден	43
Редклиф Бенси	55
Александра Эйден	58
Редклиф Бенси	66
Александра Эйден	68
ГЛАВА 3	86
Редклиф Бенси	100
Александра Эйден	103
Редклиф Бенси	109
Александра Эйден	113
Редклиф Бенси	125
ГЛАВА 4	130
Александра Эйден	130
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Делия Росси

Хризантема с шипами

Комната была незнакомой. Серая каменная кладка стен, узкие стрельчатые окна, два стула с высокими спинками, большой сундук с бронзовыми накладками. И старомодная кровать, на которой лежало белое платье. Если уж быть точной – свадебное платье. Я не могла ошибиться. Тонкий шелк потрескивал едва заметными искрами магии. Окаймляющие горловину бриллианты сверкали холодным блеском. Длинные рукава расширялись книзу под характерным углом. В Эрилии такие наряды шили исключительно для невест. Вопрос только в том, зачем здесь эта вещь. И как тут оказалась я? И почему не чувствую собственную магию?

Я поднялась с кресла. В висках заломило, как бывало всегда после выброса силы, пол поплыл из-под ног, и мне, чтобы не упасть, пришлось ухватиться за подлокотник.

– Очнулись? – послышался от двери низкий голос, и я резко обернулась.

Темные волосы, укрывающие плечи черным плащом. Свежий шрам на щеке. Ледяные синие глаза, раздевающий взгляд...

– Вы! – я сжала кулаки, разглядывая застывшего на пороге мужчину, и мгновенно вспомнила все, что произошло. – Вы посмели притащить меня...

Я обвела глазами комнату, пытаюсь сообразить, что это за место. Проклятое платье сбило меня с толку, не позволив как следует оглядеться и понять, где я нахожусь. А хищник напротив продолжал смотреть так, словно на мне не было никакой одежды – пристально, не таясь, по-хозяйски. И под этим взглядом мне захотелось отступить назад, но я только выше вскинула голову и с силой стиснула ладони.

– Это мой дом, – невозмутимо ответил мужчина.

Не отрывая взгляда, он криво усмехнулся и сунул руки в карманы узких брюк.

– Что вам от меня нужно?

Я очень старалась не показывать своего страха, но он просачивался в голосе, полз по спине каплями пота, сжимал сердце холодной рукой и накрывал удушливой волной паники.

– Всего лишь небольшая мелочь.

Красивое лицо исказила неприятная ухмылка.

– Если вы надеетесь меня запугать...

Я сжала кулаки и с вызовом посмотрела на своего преследователя.

– Ну что вы, и в мыслях не было.

– Тогда что вам нужно? Мое молчание?

– Как раз наоборот. Мне необходимо, чтобы вы кое-что сказали.

В синих глазах блеснул лед, и я почувствовала, как трудно стало дышать.

– Одно единственное слово, госпожа Эйден, – вкрадчиво произнес мужчина и шагнул вперед.

ГЛАВА 1

Александра Эйден

– Кранчестер! – сипло объявил идущий по вагону кондуктор и добавил: – Прибываем через две минуты.

Я захлопнула книгу и убрала ее в сумочку. Дама, сидящая рядом, торопливо доела булочку, отряхнула крошки на пол и схватилась за ридикюль так, словно боялась, что его вырвут у нее из рук. Немолодой господин, всю дорогу дремавший на диване напротив, суетливо пригладил волосы и натянул на голову цилиндр.

Поезд натужно закрипел, дернулся пару раз, и остановился. Я поправила шляпку и бросила взгляд в окно. Картинка не радовала. Ветер гонял по пустому перрону опавший липовый цвет, каменное здание вокзала выглядело старым и обшарпанным, а смотритель, застывший на краю платформы с синим флажком в руках, флегматично смотрел вдаль, и на его лице было написано тупое равнодушие.

– Госпожа Эйден! – не успев сойти со ступенек, услышала я взволнованный голос Мэри. – Госпожа, я носильщика взяла! Давайте билеты, нужно вещи из багажного вагона забрать!

Служанка остановилась рядом, пытаясь отдышаться, а я

огляделась по сторонам, подмечая мелочи, из которых обычно складывается первое впечатление о городе.

Взгляд выхватил белый фасад одноэтажного здания, потемневший от времени питьевой фонтанчик, гипсовую статую богини Леи, чахлую пальму в кадке и пятерку небогато одетых пассажиров, спустившихся на перрон из вагонов второго и третьего классов. Владельцы билетов первого класса сошли задолго до Кранчестера, и это лишний раз подтверждало тот факт, что затерявшийся на окраине королевства городок – самое настоящее захолустье. Впрочем, в моем положении это было, скорее, плюсом. Возможно, именно здесь, в графстве Уинтшир, у меня появится шанс начать новую, не обремененную теньями прошлого жизнь.

Ветер кинул под ноги обрывок конверта, и перед глазами мелькнуло смазанное видение: твердая бумага с вензелями, расплывающиеся строчки, размашистая подпись. Сердце тоскливо сжалось. Прошло уже четыре месяца, а мне по-прежнему было больно, совсем как в тот миг, когда я впервые прочитала письмо. Потом я читала его еще бесчисленное множество раз, пытаясь понять, что произошло, почему Берти так решил, откуда в нем столько ненависти и злобы. Но так и не смогла найти никаких причин его жестокого поступка.

Я вскинула подбородок. Не нужно возвращаться в прошлое. Его больше нет, как и леди Александры Монт.

– Госпожа, вы меня слышите? – суетилась Мэри.

Ее круглое веснушчатое лицо покраснело от волнения, а голубые глаза сверкали такой решимостью, словно моя горничная собиралась сразиться с драконом.

– Этак мы без вещей останемся, как есть сопрут! – причитала она, поправляя соломенную шляпку и бросая короткие взгляды то на выгружающего вещи кондуктора, то на флегматично застывшего рядом с нами носильщика.

– Вот, держи, – я открыла сумочку, достала билеты и протянула их горничной. – И картонку не забудь.

– Как можно, госпожа? – Мэри всплеснула руками и повернулась к пареньку с тележкой. – Ну? Чего встал столбом? Идем!

Я дождалась, пока парочка отправится к багажному вагону, и пошла к вокзальным дверям. Те неохотно открылись и захлопнулись за моей спиной с неприятным скрипом, словно жаловались, что кто-то потревожил их покой. Я сделала пару шагов и огляделась. Окрашенные темной охрой стены, два крошечных билетных окошка, пара лавок вдоль стен, едва уловимый запах сырости и мастики для пола – обстановка безлюдного зала полностью соответствовала названию городка. Кранчестер – вилась над полустертым расписанием поездов затейливая надпись, которая переводилась с нерейского, как Скромная обитель. Что ж, судя по всему, так и было.

«Зато здесь жизнь недорогая, – напомнила я себе. – И люди простые и сердечные».

По крайней мере, так заявил агент, когда я подписывала договор аренды. Нет, разумеется, я не торопилась доверять словам профессионального краснбая, предпочитая обо всем составить собственное мнение, но надеяться-то мне никто не запрещал? Тем более что это единственное, что мне оставалось.

– Госпожа, я все забрала, ничего не забыла! – довольный возглас горничной отвлек меня от раздумий.

Девчушка просто светилась от счастья, радуясь неожиданному повышению. Глупенькая. Одно дело быть пятой горничной в богатом доме в Вердофе, и совсем другое – единственной служанкой в маленьком домишке захолустного Кранчестера.

– Идем, нужно найти пролетку, – отбросив грустные мысли, улыбнулась служанке, и решительно направилась к выходу.

Город скромно прятался за ухоженными садами и поглядывал на приезжих чистыми окнами аккуратных особнячков. Пока Мэри договаривалась с извозчиком, я рассматривала крошечную привокзальную площадь с памятником генералу Вильфору, пару старомодных пролетов, занятых бойкими пассажирами «Западного экспресса», несколько газовых фонарей и одноэтажную гостиницу с претенциозным

названием «Астория». Правда, я сомневалась, что серое приземистое здание имело какое-либо отношение к сети самых дорогих отелей Эрилии.

Взгляд остановился на обычной, не магической вывеске, прошелся по старомодным двуколкам, стоящим у парадного входа, и скользнул дальше, на выстроившиеся вдоль дороги домики. Те казались игрушечными. И то! Узкие окна с белоснежными занавесками, крытые серой черепицей крыши, аккуратные крылечки, живые изгороди и веселые палисадники с густо цветущими желтофиолями и ципельником. Просто картинка из детской книги, знакомая и затертая в памяти.

Я сама выросла в точно таком же захолустном городке, где главным событием года была Летняя ярмарка, а местная газета выходила раз в три месяца, если не реже. И магомобилей у нас в Уинтоне не было, и голософонов. Да и про стационарные порталы почти никто не слышал.

– Госпожа Эйден! – громко позвала Мэри, и я поморщилась. Ну зачем так кричать? Предупреждала ведь глупышку, чтобы держалась скромнее, и вела себя потише.

– Госпожа Эйден, идите скорее! – не унималась служанка, и мне пришлось поторопиться хотя бы ради того, чтобы она замолчала.

Я не сомневалась, что мой приезд вызовет многочисленные разговоры, как это всегда бывает, когда в маленьком городке появляется новое лицо. Так зачем давать местным жи-

телям лишний повод для пересудов?

Я посмотрела на неподвижные занавески безобидных домиков и усмехнулась. Уверена, за каждой из них скрываются внимательные глаза, от которых не ускользнет ни единая мелочь моего прибытия.

— Мэри, ты помнишь, о чем мы с тобой говорили перед отъездом? — усевшись в пролетку, строго спросила у горничной.

— Простите, госпожа, — смутилась та и густо покраснела, отчего веснушки на ее носу и щеках стремительно потемнели. — Я помню, просто разволновалась чего-то.

— Ты раньше никогда не уезжала из Вердофа?

— Нет, госпожа. Это в первый раз. Да еще и так далеко!

Мэри виновато потупилась и шмыгнула носом, а я вздохнула. Какая же она еще юная!

— Ну, полно, успокойся, Мэри. Вот увидишь, Кранчестер тебе понравится.

— Да я и не сомневаюсь, госпожа, — откликнулась служанка, и слезы, готовые брызнуть из ее глаз, мгновенно высохли. — И вы не думайте, я все ваши наставления помню, и как себя вести, и что говорить. Вот увидите, я буду вам хорошей горничной. Самой лучшей!

Она преданно уставилась на меня, и я невольно улыбнулась. Все-таки, несмотря ни на что, я сделала правильный выбор, взяв с собой именно эту нескладную темноволосую девчушку с упрямым характером, тонкими ручками-веточ-

ками и полным отсутствием раболепия.

– Вот и славно, – кивнула служанке и повернулась, разглядывая проплывающие мимо улицы Кранчестера.

Удивительно, как изменилась моя жизнь. Разве могла я подумать еще полгода назад, что окажусь в таком захолустье? После вечно спешащей столицы с ее бурной жизнью и постоянной погоней за развлечениями Кранчестер казался тихим сонным болотом. Сумею ли я здесь выжить? Не сойду ли с ума от тоски и тишины одиноких ночей?

Воспоминания о недавнем прошлом мелькнули перед глазами яркой вспышкой, и внутри снова заныла незажившая рана. Нет, не стоит думать о том, что было. У меня все будет хорошо. Я обязательно справлюсь.

Дорога свернула к небольшой круглой площади, в центре которой стояла приземистая церковь, возница прикрикнул на лошадь, пролетка со скрипом накренилась, но устояла, и покатила вперед. А спустя пару минут снова свернула и тут же затормозила у небольшого двухэтажного домика, утонувшего в пышных зарослях бузины.

– Приехали, ари, – доложил пожилой возница и посмотрел на меня из-под нависающих век добрыми, немного усталыми глазами. – Зеленая улица, двадцать семь. Бузинный коттедж, как и заказывали. Хороший вы дом, госпожа, выбрали, крепкий. Давненько он без жильцов стоит, вот, как ар Иглторп съехал, так больше никого и не было. А дому без хозяйина нельзя, непорядок это, – сдвинув на затылок кепку, про-

тянул возница, и неожиданно спросил: – А вы надолго к нам или так, погостить?

– Пока не знаю.

Мне не хотелось поощрять чужое любопытство. Нет, я понимала, что рано или поздно придется представиться местному обществу и рассказать приемлемую версию моего появления в городе, но я не собиралась откровенничать с первым встречным.

– Ну, стало быть, время покажет, – рассудительно заметил возница и добавил: – Знаете, как у нас говорят? Кто приезжает в графство Уинтшир, навсегда прикипает сердцем к Холмистому краю.

Я недоверчиво усмехнулась, спустилась с подножки и остановилась, наблюдая, как Мэри выгружает на мостовую наш багаж.

– Да-да, попомните мои слова, все так и будет, – улыбнулся в усы возница. – Ну, хорошего вам дня, ари. Еще увидимся.

Он дернул вожжи, и пролетка, тихо постанывая от старости, медленно покатила прочь.

– Бери картонку и сундук, а я возьму магдар, – велела я служанке и потянула на себя большой зачарованный баул, в котором уместилась лишь малая часть одежды. Все остальное пришлось отправить почтовой доставкой, и теперь одному создателю было известно, когда придут мои вещи. В Эрилии обычная почта работала слишком медленно. То ли

дело магическая. Но она была слишком дорогой, а в моем положении, когда каждый дьерт на счету, пользоваться магпочтой казалось неразумным.

– Леди Александра, да куда же вы?! Я сама!

Мэри покраснела и вцепилась в ручку магдара.

– Я ведь просила, Мэри!

Я с укоризной посмотрела на служанку и быстро огляделась по сторонам.

Занавеска на окне соседнего дома едва заметно колыхнулась.

– Ох, простите, госпожа, – воскликнула Мэри и потупилась, но магдар из рук так и не выпустила. – Я привыкну, вот увидите.

– Очень на это надеюсь, – вздохнула в ответ и уже строже добавила: – Сундук, Мэри. И картонку.

– Да, госпожа, – покорно ответила служанка и отпустила ручку, а я подняла тяжеленный магдар и направилась к дому.

Редклиф Бенси

Редклиф Сеймур Редманд Уиллард Бенси, пятнадцатый граф Уинтшир, подошел к карте, занимающей целую стену в его кабинете, заложил руки за спину и вгляделся в переплетение извилистых нитей. Нет, он не ошибся. Гверхи стали вести себя нахальнее. С каждым годом они все чаще выходили на поверхность, и всякий раз это происходило в одном и том же месте. Кранчестер. Захудалый городишко на окраине графства. Следы вели именно туда. В прошлом году Редклиф уничтожил двоих, в этом – троих, и, судя по всему, это еще не конец. Брюнус, родовой перстень Черных лордов, слабел, и не мог запечатать Разлом раз и навсегда, а гверхи этим пользовались.

Редклиф посмотрел на маленькую точку, вокруг которой голубой нитью петляла Брейя, и прикинул, сколько понадобится времени, чтобы закрыть пространственную дыру. Судя по разбросу отпечатков, пару-тройку дней, не меньше. Он задумчиво обвел пальцем границы графства. Уинтшир раскинулся на месте Разлома, оставшегося после древней магической войны. Сейчас о ней мало кто помнил, да и сам Разлом стал почти неразличим, напоминая о себе лишь старыми одиночными валунами на поросших сочной травой холмах. Но Бенси помнили. Ни на миг не забывали, даже если бы и захотели. Слишком большой ценой досталась Уинтширам их

победа. Слишком многое пришлось отдать, чтобы закрыть жадную пасть Разлома.

Редклиф коснулся семейного перстня, хмурясь и поглаживая нагретый камень, а потом качнул головой, прогоняя воспоминания, и нажал кнопку звонка.

– Ваше сиятельство.

Генри возник спустя секунду и почтительно замер на пороге. В блеклых голубых глазах дворецкого застыло выражение непроходящей скорби. Редклиф давно к нему привык, но сегодня поймал себя на мысли, что его раздражает эта беспросветная безнадежность старого слуги. В самом деле, глядя на его челядь, можно решить, что он их в черном теле держит. Хотя жители графства наверняка так и думают.

Редклиф усмехнулся, закрыл лежащую на столе Книгу заклинаний и убрал в шкатулку старинные четки для медитации. Те принадлежали еще его прадеду, но прошедшие столетия не отразились ни на чистоте бриллиантовых бусин, ни на крепости зачарованной нити.

– Вели седлать Верного, – приказал Редклиф слуге и добавил: – Меня не будет пару дней.

И это при хорошем раскладе. Если донный затаится, то времени потребуется гораздо больше. Грасс! Не вовремя Алан с Браном приехали. Охота на гверхов – дело не быстрое. Столько всего нужно учесть. Каждый раз это как состязание – кто окажется умнее? Черный лорд или его враг? На чьей стороне будет удача? Донные пользуются магией Разло-

ма, Черные лорды – магией поиска. Но еще ни разу Редклиф не проиграл. И сейчас не собирался.

– Прикажете проводить ваших гостей, милорд? – спросил Генри и шагнул вперед, остановившись рядом с картой.

Бледное лицо дворецкого не отражало никаких эмоций.

– Нет, пусть остаются, – задумавшись, ответил Редклиф. Он не мог понять, с чего вдруг внешность слуги стала его раздражать. – Передай им, что я скоро вернусь, и проследи, чтобы вина и еды было в достатке.

– Слушаюсь, ваше сиятельство.

Генри исчез так же незаметно, как и появился, а Редклиф достал из ящика стола экранирующие амулеты, сунул за пояс нож, а в карман – флакон с восстанавливающим зельем, и вышел из кабинета.

Александра Эйден

Дорожка из серого камня обогнула разросшиеся кусты бузины, вильнула в сторону и привела нас к порогу коттеджа. Я поставила магдар и достала из сумочки ключ. Большой фигурный наконечник с легкостью скользнул в замочную скважину, дверь открылась с тихим скрипом, и мы с Мэри оказались внутри. После яркого дневного света глаза не сразу привыкли к темноте, но когда я раздвинула плотные шторы, оказалось, что холл достаточно просторный, и даже по-своему уютный. Только воздух казался немного затхлым, как это часто бывает в домах, в которых долго никто не жил.

Я окинула взглядом идущую на второй этаж широкую лестницу, красивые дубовые панели на стенах, слегка потертый каменный пол, и пошла по всем комнатам, распахивая окна и рассматривая старомодную обстановку. Гостиная и столовая напоминали об эпохе короля Якова, спальня и пара гостиных комнат были обустроены в более современном стиле, кухня располагалась в подвале, а комнаты для слуг — на чердаке.

Я обошла весь дом, вернулась в гостиную, села на диван и подвела итоги осмотра. Агент не обманул. Небольшой особнячок действительно оказался просторным, и полностью пригодным для жилья. Оставалось только навести в нем порядок, нанять кухарку и дожидаться, когда доставят

мои вещи, чтобы придать обстановке необходимый уют.

– Мэри, разбери магдар и подготовь зеленое платье.

Я посмотрела на примолкшую служанку. Та оглядывалась по сторонам с таким видом, словно изучала место будущего сражения. Ее голубые глаза ярко сверкали, миловидное личико покраснелось, непослушные курчавые волосы, отражая характер своей обладательницы, торчали из-под шляпки задорными колечками, а тонкие брови озабоченно хмурились.

– Да, миледи, – повернувшись ко мне, ответила Мэри и тут же, поймав мой взгляд, исправилась: – Простите, госпожа. Я все сделаю.

– Забудь про обращение леди и миледи. Здесь я просто госпожа Эйден. И чем быстрее ты это запомнишь, тем лучше.

– Да, госпожа Эйден, – покорно кивнула служанка.

– Вот и хорошо. Разложи вещи и достань платье, – повторила я, и подошла к распахнутому окну.

Снаружи было тихо. Низкая живая изгородь позволяла разглядеть и соседские дома, и узкую мостовую на противоположной стороне, и пожарную каланчу в конце улицы. И прямоугольное здание церкви, из которого вышла дородная пожилая дама в трауре, утирающая глаза большим белоснежным платком. Она огляделась по сторонам и направилась в сторону Бузинного коттеджа. Рядом с ней семенила хорошенькая белокурая девушка в пышном розовом платье

и огромной белой шляпе. Такие были в моде пару сезонов назад. На щеках юной ари играл нежный румянец, а в голубых глазах застыло капризное выражение, которое немного портило почти безупречную красоту.

– Дейзи, дай мне руку, – услышала я громкий голос дамы. – И не верти головой, это неприлично.

– Хорошо, маменька, – покорно ответила девушка и подставила локоть, за который тут же уцепилась ее спутница.

– Где носит этого глупого Уилла? – недовольно прогудела дама и обернулась.

Наши взгляды встретились. Я вежливо улыбнулась и слегка склонила голову. Дама чопорно кивнула в ответ и тут же отвернулась, но я успела заметить, каким острым интересом блеснули ее глаза. Уверена, уже к вечеру о моем приезде будут судачить во всех местных гостиных.

– Ваше платье, госпожа, – раздался за спиной голос служанки, и я отошла от окна.

– Мэри, возьми корзину для продуктов. Пройдемся по местным лавкам, купим еды на ужин.

– Так я и сама могу, – вскинулась Мэри. – Разве дело это, благородной леди по зеленым лавкам ходить?

– Кажется, мы уже договорились, что все благородные леди остались в Вердофе? – я усмехнулась и посмотрела на покрасневшую служанку. – Здесь я никакая не леди, а обычная небогатая горожанка. И не должна выделяться среди остальных.

Я с сомнением посмотрела на изящное зеленое платье и вздохнула. Никуда не годится. Слишком нарядное.

– Что вы делаете, госпожа? – воскликнула Мэри, глядя, как я отпарываю лишние оборки. – Оно ведь такое красивое!

– Привожу его в подобающий вид. Ну вот, другое дело, – оглядев результат своих трудов, заявила служанке. – Помоги мне переодеться.

Вскоре я уже сменила дорожный костюм на платье, и мы с Мэри вышли из дома.

Улица встретила нас вечерней прохладой, яркие живые изгороди весело зеленели пышной листвой, а ветер доносил тонкий аромат роз, цветущих в саду особняка напротив. Я бросила осторожный взгляд на двухэтажный белый дом. Выглядел он нежилым. Окна смотрели на улицу темными провалами, дорожка заросла травой, на газоне с чахлыми гвоздиками всю хозяйничали сорняки.

– Здесь так тихо, – удивленно сказала Мэри, оглядываясь по сторонам. – Ни магомобилей, ни прохожих. И никакой суеты.

– В провинции жизнь спокойнее, чем в столице, – вздохнула в ответ и направилась к площади, намереваясь зайти в пару лавок, которые заметила, пока мы ехали к дому.

Служанка поспешила за мной.

– Госпожа Эйден, а мы надолго тут останемся? – спросила она, разглядывая обшарпанный фасад старинной церкви.

Скорее всего, храм построили в двенадцатом или начале тринадцатого века. Об этом говорили характерные строгие линии и отсутствие вычурных архитектурных украшений, пришедших из соседней Ривии после Великой войны.

– Думаю, надолго, – ответила служанке, продолжая рассматривать окружающую площадь строения.

Почта, отделение банка, библиотека, адвокатская контора, похоронное бюро, здание мэрии – похоже, здесь расположились главные общественные здания Кранчестера. Ага, а вот и вывеска булочной. Золотистый калач, раскачивающийся рядом со светящейся витриной, недвусмысленно приглашал войти внутрь и отведать свежую выпечку.

– Нам сюда, – кивнула служанке и толкнула низкую дверь.

Стоило войти, как мы оказались в уютном, пропахшем сдобой помещении. За прилавком стояла маленькая щупленькая старушка и улыбалась мне так, будто мы с ней давно и хорошо знакомы.

– Светлого вечера, ари. Чем могу служить? – ласково спросила она.

– Будьте добры, краверский хлеб и четыре кекса с изюмом, – окинув взглядом выставленную на полках выпечку, попросила я.

– Сию минуточку, ари, – кивнула старушка, и ловко сложила в бумажные пакеты мой заказ. – Полтора дьерта с вас.

Она быстро отсчитала сдачу с серебряной монеты и сложила руки поверх белоснежного фартука, разглядывая нас с Мэри по-матерински добрым взглядом.

– Вы ведь в Бузинном коттедже поселились? – спросила она.

– Да.

– Хороший дом, – сказала хозяйка булочной, совсем как недавно возница. – Крепкий. Ни тебе сырости, ни плесени. Правильно сделали, что его выбрали.

Она на секунду замолчала, чуть прищурилась и спросила:

– А сами-то откуда будете?

Вот она, провинциальная простота. Тут не привыкли к долгим церемониям, и сразу задают вопросы в лоб.

– Из Уинтона, – назвала свой родной город.

О столице решила не упоминать, чтобы не вызывать лишних пересудов.

– И надолго к нам?

– Если понравится, то надолго.

– О, тут даже не сомневайтесь, обязательно понравится. – Старушка оживилась и добавила: – Кранчестер – замечательное место, лучшее во всем графстве. Да вот и госпожа Даллен подтвердит, не правда ли, госпожа Даллен? – обратилась хозяйка к вошедшей в лавку даме.

– О чем вы, госпожа Пенси? – низким, почти мужским голосом прогудела госпожа Даллен.

Да она и внешне походила на мужчину – высокая, крепко

сбитая, в фетровой шляпе с узкими полями и длинным, грубоватым лицом. Настоящая гренадерша.

Госпожа Даллен окинула меня подозрительным взглядом, перевела его на Мэри и только потом посмотрела на хозяйку лавки.

– Да вот я нашей гостье говорю, что Кранчестер – лучший город в графстве. Как ваше имя, кстати? – спросила меня старушка, и ее улыбка стала чутьточку извиняющейся.

– Александра Эйден, – ответила я, подумав про себя, что не ошиблась в своих расчетах.

Уже к вечеру общество Кранчестера будет знать все, что я готова о себе рассказать.

– И что же заставило вас уехать так далеко от Уинтона? – поинтересовалась госпожа Пенси.

– Моя матушка не так давно умерла, и мне стало невыносимо находиться в нашем старом доме, где все напоминало о ее любви.

Я вздохнула, вспомнив маменьку. Та покинула этот мир девять лет назад, но мне ее до сих пор не хватало. Особенно сейчас, когда я осталась совершенно одна.

– Ох, какое несчастье! – воскликнула госпожа Пенси и всплеснула руками, а взгляд госпожи Даллен стал чуть менее подозрительным.

– Друг родителей, полковник Бартен, очень хвалил ваш город, и я подумала, что смогу начать тут новую жизнь.

– Полковник Бартен? О, так вы с ним знакомы? – удиви-

лась госпожа Даллен, и недоверие полностью исчезло из ее глаз. — Очень достойный господин, — одобрительно заметила она, и я поняла, что только что получила пропуск в местное общество.

— Госпожа Эйден, мы с дамами собираемся по средам в моем доме на улице Майского дерева. Буду рада видеть вас у себя, — благожелательно добавила «гренадерша», и ее лицо осветилось приветливой улыбкой.

— Благодарю, госпожа Даллен. Я обязательно приду. Всего доброго, ари. Рада была познакомиться.

Я попрощалась с дамами, кивнула Мэри, указав ей глазами на пакет, и вышла из лавки. Служанка, прихватив покупки, заторопилась за мной.

— Хорошего вечера, госпожа Эйден! — неслоь нам вслед. — Приходите еще.

Дверь булочной со скрипом закрылась, отрезая ароматы сдобы и ласковый голос госпожи Пенси, от церкви послышался мелодичный звон часов, а по улице, в сторону пожарной каланчи, промчался всадник на породистом вороном. Я только и успела разглядеть модный бархатный сюртук неизвестного господина, как он свернул на Арчер-роуд и скрылся из глаз. В душе шевельнулось беспокойство. Чем-то зацепил меня этот незнакомец. То ли слишком дорогой для глухой провинции одеждой, то ли ее зловещим черным цветом, то ли необъяснимой аурой власти, исходящей от крупной фигуры.

– А теперь куда? – спросила Мэри, и я снова подумала о том, что не мешало бы поучить ее, как должна вести себя хорошая служанка.

Хотя, с другой стороны, что мне делать в обществе молчаливой бессловесной тени, от которой кроме «да, госпожа» и «нет, госпожа», ничего не услышишь? Стоило признать, Мэри скрашивала своей непосредственностью мое одиночество. Так что скучать с ней не приходилось.

– К мяснику. А потом к молочнику и к зеленщику. Будем налаживать отношения с местными поставщиками.

Так мы и сделали. Итогом нашего похода стал неплохой кусок грудинки, головка сыра, пакет с фруктами и корзина овощей. А еще договоренность о доставке молока и мяса в Бужинный коттедж. Ну и полезные знакомства, разумеется. Мясник Карсон, например, порекомендовал отличную кухарку. И даже подсказал, где ее искать. А зеленщик Хант посоветовал хорошего садовника. «Уж больно у вас кусты бузины разрослись, скоро дверь не откроете», – с сочувствием заметил он, укладывая в корзину для овощей пучок салата, шпинат, стручки фасоли, несколько картофелин и лук порей.

– Ловко у вас с покупками вышло, госпожа Эйден, – заявила Мэри, торопясь за мной по звонкому булыжнику мостовой. – Никогда бы не подумала, что вы сумеете договориться о скидке.

В голосе служанки прозвучало уважение.

– Жизнь и не такому научит, – усмехнулась в ответ.

Я удобнее перехватила пакет с фруктами и завернула за угол, на Зеленую улицу. И едва не вскрикнула, увидев несущегося прямо на нас вороного. Громкий стук копыт, огромный разгоряченный конь, развевающиеся волосы его всадника – все это мелькнуло смазанным черным видением, полоснуло опасностью, окутало холодом. Не знаю, как успела оттолкнуть Мэри и отпрыгнуть в сторону. Яблоки рассыпались по мостовой, покатались под копыта коня, всадник, не обращая на нас внимания, пронесся мимо, а я с трудом отдышалась, проклиная узкий лиф платья, и посмотрела на побледневшую служанку.

– Вы видели, миледи? – испуганно пробормотала Мэри. – Откуда он только взялся? Выскочил, словно дух из старых легенд! Ох, да что же это? Все яблоки рассыпались! – тут же переключилась она и кинулась поднимать уцелевшие фрукты. – Вот напасть какая!

Мэри продолжала причитать, а я поправила волосы и вскинула голову. Встреча с неизвестным лихачом пробудила внутри неясное сомнение. Похоже, не так уж и тихо в этом забытом Леей местечке. В душе шевельнулось нехорошее предчувствие.

Правда, я от него благополучно отмахнулась и решительно направилась к дому.

Бузинный коттедж принял нас с Мэри настороженно. Нет, он не показывал явной неприязни, но я чувствовала исходящее от него недоверие. Казалось, он говорил: «Ты тут все равно ненадолго. Пройдет лето, наступит дождливая осень, и ты сбежишь, как и многие до тебя».

Что ж, возможно, он был прав, что не торопился доверять незнакомцам. Я тоже им не больно-то доверяла. Разные среди них встречаются. А пока человека не узнаешь, лучше к нему не привязываться, иначе потом слишком больно разочаровываться.

Дом по-стариковски заскрипел половицами и вздохнул не до конца закрытыми окнами. «Ишь ты, сама молодая, а жизнь уже поучила уму-разуму!» – расслышала я его удивленное восклицание.

Поучила. Так поучила, что я до сих пор опомниться не могла, все казалось, что это дурной сон или чья-то злая шутка.

В памяти всплыло красивое мужественное лицо, вспомнилась огромная бальная зала в доме лорда Харди, яркие мундиры военных, воздушные наряды дам. И Берти. Мой Берти. Такой, каким он был раньше. Его рука, протянутая в мою сторону, первый танец, ничего не значащая светская беседа и красноречивый разговор взглядов.

– Вы отлично танцуете, – звучало вслух, а в глазах сияло совсем другое: – «Вы прекрасны!»

– Вы здесь с тетушкой? – спрашивали губы, а я слышала: – «Когда я снова вас увижу?»

– Замечательный вечер, не правда ли?

А в душе отзывалось: – «Я запомню его на всю жизнь!»

Святые небеса, как давно это было...

Я вздохнула, оглядела спальню и заставила себя улыбнуться. Ничего. Никогда не поздно начать все с начала. Доход у меня есть, пусть и небольшой. Крыша над головой – тоже. Осталось только влиться в местное общество и зажить тихой размеренной жизнью одинокой незамужней ари.

– Мы с тобой обязательно подружмся, – пообещала дому, коснувшись одной из стен. – И запомни, я тут надолго, и уезжать никуда не собираюсь.

«Все вы так говорите», – прокряхтел дом и затих. Что ж, как и все брошенные старики, он не больно-то верил чужим обещаниям.

– Сам увидишь, – разгладив ладонью узор на обоях, сказала я и внимательно оглядела свое новое пристанище.

М-да, это, конечно, не особняк на Лейрен-сквер, но все довольно мило. Старомодная кровать с высокой спинкой, обои в мелкий розовый цветочек, небольшое кресло у окна и крошечный чайный столик. Если сменить покрывало и шторы и добавить пару безделушек и картин, то здесь будет довольно уютно.

Я отодвинула тонкую белую занавеску и выглянула на улицу. В окне дома напротив мелькнула какая-то тень. Странно. Мне казалось, особняк необитаем. Неужели в нем кто-то живет?

Я постояла еще немного, наблюдая за соседним домом, а потом задернула гардину и пошла вниз, разбираться с ужином. Почему-то меня терзали смутные сомнения, что Мэри не слишком сильна в готовке, хоть служанка и уверяла меня в обратном.

Что ж, спустившись в подвал, я убедилась в закономерности своих сомнений. Сковорода, стоящая на плите, нещадно чадила, из духовки тянуло горелым, а Мэри металась по кухне с полотенцем в руках, пытаясь выгнать черные клубы дыма в распахнутое полукруглое окно.

– Ох, госпожа Эйден, простите! Я сейчас все исправлю! – увидев меня, всполошилась она, и полотенце замельтешило с удвоенной скоростью. – Это плита виновата, я таких никогда не видела!

Ну да, в Вердофе давно уже не пользовались старыми печами, их заменили магические плиты. И глупо было ожидать, что Мэри разберется с техникой прошлого века.

– Не мельтеши, – остановила я служанку и быстро отодвинула сковороду, а потом открыла заслонку и вытащила чугунок с непонятным варевом. – Это что?

Я удивленно разглядывала кипящее нечто. Выглядело оно совершенно несъедобным.

– Фасолевый суп с грудинкой, – чуть не плача, ответила Мэри, и шмыгнула носом.

Суп. С грудинкой. Ну что тут скажешь?

Я только вздохнула. Сама виновата, надо было брать Дору, та хотя бы готовить умела.

– Простите, госпожа Эйден, я не нарочно, – жалобно пискнула Мэри, и я махнула рукой.

Какой смысл ее отчитывать? Это было мое решение, взять с собой новенькую, почти необученную служанку. Значит, мне и ответственность за него нести.

– Аставито! – тихо произнесла заклинание, и дым, наполняющий кухню, мгновенно исчез, а поверхность плиты избавилась от копоти.

– Как вы это сделали, госпожа? – удивленно спросила служанка. – Вы владеете магией?

– Немного. Только об этом тоже не стоит говорить посторонним.

Я вывалила содержимое чугунок в старое ведро, а потом наполнила водой чайник, поставила его на плиту и достала из пакета кексы.

– Придется нам сегодня обойтись тем, что есть. А завтра, надеюсь, у нас уже будет нормальная кухарка.

Мэри снова виновато шмыгнула носом и покосилась на плиту.

– Достань чашки. И заварку, она вон в том пакете. Чай сможешь заварить?

Служанка поспешно кивнула и кинулась к неразобранным покупкам, а я села за круглый стол, обвела кухню взглядом и подумала о том, что тут нужна основательная уборка. И на одну Мэри надеяться не стоит – ей придется долго отмывать закопченные стены и грязную плитку вокруг печки. А вот если воспользоваться магией, то дело пойдет быстрее. Главное, чтобы об этом не узнали.

В отличие от столицы, где магия прочно вошла в обиход горожан, в провинции предпочитали жить по старинке, и магов недолюбливали. Или, скорее, побаивались, как и всего неизвестного и непредсказуемого. А я не собиралась давать суеверным жителям Кранчестера повод меня сторониться. Нет, я намеревалась влиться в их скромные ряды и зажить совершенно обычной жизнью.

– Мэри, чай, – напомнила служанке, и та торопливо сняла с плиты плюющийся паром чайник.

А потом мы долго сидели за столом, ели кексы, запивали их горячим, отдающим терпкой горчинкой, чаем, и наблюдали за тем, как тают в окне краски заката, и как на Кранчестер медленно опускается ночь.

Редклиф Бенси

Дом пропах сыростью и нафталином. Редклиф закрыл дверь черного хода, прошел к окну, оставляя на пыльном полу следы, и осторожно отодвинул штору. В соседнем коттедже, пустовавшем последние полгода, окна горели мягким желтым светом. Странно. Почему Оуэн не доложил, что там кто-то поселился? Во всех городах графства у Бенси были особняки, и Редклиф всегда знал, кто живет поблизости от каждого из них. Алан смеялся и называл это паранойей, а он и не спорил с приятелем. Пусть так. Зато на душе спокойнее.

Редклиф активировал голософон, мысленно назвал нужное имя и прислушался к тихому потрескиванию.

– Ваше сиятельство?

В голосе Оуэна звучала едва ощутимая тревога.

– Почему не доложил, что в Бужинном коттедже новые жильцы?

– Как раз собирался, милорд. Но вы так внезапно уехали...

Оуэн замолчал, и Редклиф словно воочию увидел старого стряпчего, невысокого, худого, с торчащим вверх правым плечом и цепким взглядом почти бесцветных глаз.

– Рассказывай, – продолжая наблюдать за светящимися окнами, приказал Редклиф.

– В доме проживает некая Александра Эйден, двадцати

пяти лет. Не замужем, приехала из Уинтона, дом сняла через агентство «Беркли и Беркли».

– Надолго?

– На полгода, с правом продления договора.

– Хорошо.

Редклиф отключил голософон, отошел от окна и опустился в зачехленное кресло. Внутри засела тонкая игла тревоги. Казалось бы, что необычного в том, что какая-то ари сняла коттедж? Но чутье не унималось, и он снова нажал на переговорный камень, называя имя стряпчего.

– Что-то еще, милорд? – проскрипел старик.

– Оуэн, узнай об этой ари все, что можно.

– Сделаю, милорд.

Редклиф положил голософон на колено, откинул голову на спинку кресла и прикрыл глаза. А потом подумал о том, что слишком часто в последнее время ему приходится ночевать в старом особняке, и усмехнулся. Может, насовсем переехать? Хотя, какая разница? Что в фамильном замке, что в десяти раскиданных по графству домах царит одинаковое запустение. И в каждом из них он ощущает себя чужим.

Редклиф поморщился, а в следующий момент почувствовал теплую волну, пришедшую от Верного. Конь остался снаружи, в скрытом под пологом тишины стойле, но связывающее их заклятие действовало даже на расстоянии.

«Все хорошо, – мысленно успокоил Редклиф своего любимца. – Отдыхай. Выедем после полуночи».

Александра Эйден

После импровизированного ужина я отправила Мэри наверх, а сама занялась волшбой. От отца мне досталась маленькая толика искры. Дар был небольшим и на мощные заклятия его не хватало, но простые бытовые заклинания мне удавались довольно неплохо. Можно даже сказать, отлично. В Эрили одаренные маги рождались только в старых аристократических семьях, а мой отец происходил из так называемых новых дворян. Тех, кто получил титул после Великой войны. Так что ни сильным даром, ни положением не обладал. Впрочем, ни самого отца, ни матушку это никогда не волновало. Да и с чего бы? Мы скромно жили в небольшом особняке в Уинтоне, дружили с соседями и ничем не отличались от других счастливых семей. Если бы не проклятая болезнь, папа до сих пор был бы жив. Нет, об этом тоже лучше не думать.

Я заставила себя отвлечься от воспоминаний и прошептала одно из заклинаний, обводя кухню активирующим жестом.

От пальцев потянулись искры силы, и прямо на моих глазах помещение стало преображаться. Стены посветлели, избавившись от копоти и жира, камень столешницы приобрел первоначальный серый цвет, а полы заблестели, как новенькие.

Я устало выдохнула и удовлетворенно оглядела чистую кухню. Сил на то, чтобы привести в порядок посуду, не осталось, но это можно было отложить на завтра. Как и переделку собственного гардероба. Нет, я постаралась взять с собой самые скромные наряды из тех, что шила к новому сезону, но, приехав в Кранчестер, поняла, что для такого маленького городка даже они выглядят слишком вызывающими.

Я стряхнула с рук остатки мелких искр, проверила замок на двери черного хода и пошла к себе. А в спальне первым делом достала кошель с деньгами и снова пересчитала каждый дьерт, прикидывая предстоящие расходы. Аренда была оплачена на полгода вперед, служанке я обещала четыре дьерта в неделю, кухарке придется платить шесть или семь, на продукты уйдет не меньше пятидесяти, ну и всякие непредвиденные нужды... Если не увлекаться, то на шесть-семь месяцев хватит. А там и обещанная выплата подоспеет.

Я записала сегодняшние траты в расходную тетрадь, ссыпала монеты обратно в зачарованный от воров кошель, убрала его в шкаф и потушила свечу. А потом разделась и легла в постель.

Мысли от хозяйственных дел снова вернулись в прошлое, и я в который раз попыталась понять, в какой момент наша с Альбертом жизнь дала трещину.

Мы познакомились, когда мне было двадцать. Тогда я считала себя взрослой и рассудительной, но сейчас понимала, что была глупым и неопытным ребенком. Нет, жизнь в небо-

гатой семье научила меня некоторым житейским премудростям. Я умела перелицовывать старые платья, подгоняя их под веяния новой моды, с легкостью могла зачаровать перчатки от грязи и порчи, знала, где недорого купить варийские кружева. И даже в хозяйстве немного разбиралась. Вот только в сердечных делах оставалась абсолютно несведущей. Той осенью я приехала к тетушке Мэйбл, чтобы поухаживать за ней после болезни. Правда, как выяснилось, заверения матушки о том, что ее кузина едва ли не при смерти и очень нуждается в поддержке, оказались далеки от истины. И моя поездка в столицу была организована с единственной целью – найти мне достойного жениха. Вот этим тетушка и занялась со всем нерастраченным энтузиазмом богатой бездетной вдовы. Какая там болезнь! Тетя Мэйбл была полна сил, и все их направила на поиски подходящей для меня партии. И уже на следующий после моего приезда день мы с ней отправились к портнихе, а еще через неделю началась череда выездов в свет.

«Присмотрись к господину Уэнси, – наставляла меня тетя Мэйбл перед первым балом. – Очень достойный юноша. Мы с его матушкой учились в пансионе. Две тысячи годового дохода, не пьяница, не игрок, не волокита – как раз то, что тебе нужно». Похоже, все, кроме меня, хорошо знали, что мне нужно. А как же чувства? Почему они не значились в списке необходимого для брака? И отчего тогда в романах, которыми зачитывались все ари Уинтона, красота и влюбленность

непрерывно приводили к свадьбе? «Алекс, ты слишком романтична, – слушая мои рассуждения, неодобрительно ворчала тетушка. – Достойное происхождение, хороший доход и уважение – вот основа семейного счастья. Поверь моему опыту».

Что ж, ничего другого мне попросту не оставалось, и мы продолжали посещать все заявленные развлечения сезона.

На благотворительный вечер лорда Харди, одного из основателей Западной железной дороги, мы попали почти случайно. Тетя Мэйбл в последний момент узнала, что там будет много военных, и раздобыла приглашение. А на балу я встретила Альберта. Вошла в залу и сразу выделила среди множества аров в красных военных мундирах одного. Высокий, светловолосый, с идеальной выправкой, он стоял у окна и смотрел на ночной город. А потом повернулся, наши взгляды встретились, и мое сердце пропустило удар. В серых глазах мелькнуло удивление, восхищение и... узнавание. Да и мне в тот момент показалось, что я знаю этого мужчину всю свою жизнь.

Странные звуки, доносящиеся с первого этажа, заставили меня отвлечься от воспоминаний и прислушаться.

– Хр-р... Мр-кхр... Хрям-хрям...

Чавканье и смачные похрюкивания разносились по всему дому и звучали так, будто внизу пировала компания троллей.

Я накинула халат, прихватила каминную кочергу и осторожно двинулась к лестнице. С каждым моим шагом звуки

становились громче, а когда я оказалась на первом этаже, чавканье перешло в довольное урчание, и тут же раздался резкий металлический звон.

Не медля больше ни секунды, я кинулась к кухне, из которой теперь доносились звенящие звуки, и рванула на себя неплотно закрытую дверь. Миг – и ведро, в которое я вылила испорченный суп, с грохотом покатилося по полу, а мимо меня промчалось какое-то маленькое пушистое существо и исчезло за дверью черного хода.

– Стой! – крикнула вслед и припустила за неизвестным зверьком, но тот и не думал останавливаться.

Он с легкостью протиснулся в крошечную щель и растворился в темноте двора. Так что, когда я распахнула дверь и выглянула наружу, то никого не увидела.

– Миледи? – послышался за моей спиной слегка дрожащий голос. – Мне показалось, тут кто-то шумел.

Я закрыла дверь, опустила крючок и повернулась к перепуганной Мэри.

– Ой, ведро опрокинулось? Я сейчас все вытру! – торопливо пробормотала служанка, и тут же удивленно протянула: – А где суп?

– Похоже, съели твой суп.

Я усмехнулась, вспомнив чавкающие звуки.

– Кто?

– Это мне и самой интересно. Но, судя по всему, твоястряпня пришлась нашему гостю по вкусу. Вон как ведро вы-

лизал. Аж до блеска.

Мэри смущенно покраснела, а я посмотрела на сверкающую посудину и добавила:

– Иди спать, Мэри. Завтра разберемся, что за гость у нас тут ужинал. Сегодня он вряд ли вернется.

Служанка торопливо кивнула и отправилась наверх, а я наложила заклинание на дверь и окно и тоже пошла к себе.

Ночь на новом месте выдалась странной. Вопреки ожиданиям, уснула я на удивление быстро. Казалось, только закрыла глаза, и тут же погрузилась в сон, в котором шла по тережущемуся в темноте коридору, торопясь за ускользящим огоньком свечи, и вслушивалась в окружающую тишину. Отблески дрожащего пламени ложились на старую кладку стен, падали на неровный каменный пол, скользили по старинным латам, украшающим неглубокие ниши, заигрывали с моей тенью. Звуки шагов будили звонкое эхо. Темнота казалась живой и настороженной.

Не знаю, сколько времени я шла и что это было за место – то ли старинный замок, то ли огромный особняк, то ли какое-то подземелье. Но в какой-то момент огонек остановился у запертой двери, дрогнул и неожиданно погас. Я только и успела увидеть кованые петли и заржавевшую круглую ручку. А когда коснулась ее, дверь со скрипом отворилась, и я

попала в чьи-то объятия. Если уж быть точной – в мужские объятия.

– Ну, наконец-то, – выдохнул неизвестный. – Как же долго я тебя ждал!

Я не успела ответить. Незнакомец обнял меня сильнее, заставляя почувствовать гладкий шелк, обтянувший твердую грудь, и склонился к моим губам, накрывая их своими. И в этот момент мне казалось, что я хорошо знаю и эти губы, и обнимающие меня руки, и самого мужчину.

Поцелуй длился, сердце билось все быстрее, и я обхватила крепкие плечи, прижимая ближе, растворяясь в тепле сильного тела, тая в тепле чужого дыхания, теряя себя и забывая обо всем.

– Моя, – оторвавшись от меня, прошептал мужчина, и я... проснулась.

ГЛАВА 2

Александра Эйден

Утро выдалось хмурым. Солнце застенчиво подглядывало за просыпающимся городком из-за густых облаков, ветер клонил кусты бузины, и ветки жалобно стучали в окно, а листочки зеленой изгороди трепетали, словно живые.

Я натянула перчатки, оглядела свое отражение в узком зеркале, и удовлетворенно улыбнулась. Скромно, благопристойно, со вкусом, и ничего лишнего. Не зря с самого рассвета «подгоняла» магией дорогой костюм от Вердо к местной моде.

– Мэри, приведи дом в порядок, – велела служанке. – А я пока попробую договориться с кухаркой. Надеюсь, она согласится работать в Бужинном коттедже.

Я не стала слушать заверения Мэри, что она все сделает в лучшем виде, и, взяв сумочку, вышла из дома. Ветер обрадованно подхватил мою юбку, уцепился за подол, стремясь поднять его повыше, но я еле слышно шепнула заклинание и вернула одежде пристойный вид.

На улице было безлюдно. Казалось, город вымер. Ни прохожих, ни извозчиков с пролетками, ни обычной утренней суеты. Лишь часы на колокольне грустно прозвонили семь

раз и затихли, захлебнувшись на последнем звуке.

Я поправила шляпку и решительно двинулась к церкви, вспоминая вчерашние указания мясника. От площади свернуть направо, потом на первом перекрестке снова направо, а дальше – налево и прямо.

Найти улицу Старого Тиса оказалось несложно. Как и Тисовый дом, в котором жила Рыжая Ру.

Я остановилась и постучала в низенькую дверь. Начищенная до блеска медная ручка тут же повернулась, и на пороге показалась маленькая, сердито насупленная женщина с растрепанной огненно-красной шевелюрой.

– Чегой надобной? – спросила Ру и уставилась на меня настороженным взглядом.

А я рассматривала миниатюрную фигурку в черной юбке и яркой вышитой жилетке, румяные щеки, сведенные в единую линию брови и зеленые, как крыжовник, глаза, и начинала понимать, почему мясник Карсон туманно добавил в конце своей рекомендации: – «Оно, конечно, если договоритесь, а то ведь и того... Хотя, готовит она отменно. И честная, чужого никогда не возьмет».

Интересно, каким ветром в Кранчестер занесло грошчанку? Они ведь свой Грошчев до беспамятства любят, и по доброй воле никогда из него не уедут.

– Светлое утро!

Я приветливо улыбнулась, а женщина еще сильнее насупилась.

– Ну, кому оной светлое, а кому и не так чтобы, – сме-
рив меня настороженным взглядом, сказала она и замолчала,
скрестив на груди маленькие ручки.

– Мне сказали, вы ищете работу, – решив не обращать
внимания на неприятливый тон, спокойно продолжила я. –
А мне как раз нужна кухарка.

– Чтой-то я вас не знаю. Вы кой такая будете?

– Александра Эйден, из Уинтона. Я снимаю Бuzинный
коттедж.

– Бuzинный? – переспросила Ру, и ее глаза заинтересо-
ванно блеснули. Правда, она тут же снова сердито насупи-
лась, неприятливо посмотрела на меня и строго произнес-
ла: – Шесть дьертов, стол и комната, в недельник – выходной.

– Договорились.

Я кивнула, а Ру поспешно добавила:

– И полдьерта вперед. Иначе не приду.

На последних словах ее голос дрогнул, а руки, скрещен-
ные на груди, сжались еще сильнее.

Я присмотрелась к грошчанке внимательнее. Юбка чи-
стая, но поношенная, с искусно вшитыми латками, каблуки
черных башмаков сбиты, фартук, хоть и аккуратный, но из-
рядно выцветший.

Молча открыв кошелек, протянула Ру монету и спросила:

– Сможете приступить прямо сейчас?

Ответить женщина не успела.

– Ты когда за жилье платить собираешься, шелупонь

грошчанская? – послышался визгливый голос, и я увидела высунувшуюся из окна соседнего дома темноволосую толстуху. – Смотри, если к вечеру деньги не принесешь, выкину на улицу со всеми пожитками.

Ру вскинулась, глаза ее гневно сверкнули, она уже собиралась ответить, но покосилась на зажатую в руке монету и молча пошла к окну.

– Возьми, – ткнув полдьерта толстухе в руку, твердо сказала она.

– Что ты мне тычешь? Разве это деньги? Я тебя спрашиваю, это деньги?!

Толстуха высунулась из окна едва ли не по пояс, продолжая кричать на Ру, и я не выдержала.

– Сколько вы должны? – спросила у грошчанки.

– Шесть дьертов она мне должна! – не давая ей ответить, повысила голос толстуха. – Два месяца уже не платит, шелупонь пришлая! Вот знала же, что нельзя с чужаками связываться, так нет, пожалела несчастную, пустила. А она платить и не думает. А мне что, деньги с неба падают? Налоги плати, за уголь плати, за дрова плати, – все сильнее расходилась женщина, и я поняла, что пора прекращать это представление.

– Вот, возьмите, – протянула сердитой толстухе пять с половиной дьертов и повернулась к Ру. – Собирайте вещи, мы уходим.

Та недоверчиво зыркнула на меня своими зелеными гла-

зищами, потом молча кивнула и едва не бегом бросилась к двери. А уже спустя несколько минут вышла из дома с парой перевязанных узлов и большой чугунной сковородкой.

— Оной самая лучшая, — заметив мой взгляд, пояснила Ру, и я согласно кивнула. Лучшая, так лучшая. Лишь бы готовила хорошо.

— Идем, — позвала я Ру и направилась к перекрестку.

Грошчанка, легко закинув узлы на спину, припустила за мной.

Дом встретил нас грохотом. Не успели мы с Ру войти, как нам под ноги упала швабра, а следом раздался рассерженный возглас Мэри.

— Стой, окаянная! Куда? — бубнила служанка, скатываясь по лестнице. — Ох, денек, все одно к одному! Ой, госпожа Эйден, — увидев меня, смутилась Мэри. — Вы уже вернулись?

Она с любопытством покосилась на застывшую за моей спиной грошчанку и тут же вскинула голову, приняв независимый вид.

— Мэри, это Ру, кухарка. Проводи ее в комнату, а потом покажи кухню и помоги освоиться.

Я не стала слушать заверений служанки, что она все делает в лучшем виде, и поднялась к себе. А в спальне подошла к окну и задумчиво уставилась на соседний дом. Было

в нем что-то, что привлекало внимание. То ли стиль эпохи регентства, в котором он был построен, то ли окна, черными провалами глядящие на улицу, то ли ощущение скрываемой в его недрах тайны.

Я смотрела на красивый белый фасад, и неожиданно мне показалось, что в крайнем окне на верхнем этаже мелькнула и тут же исчезла какая-то тень. Правда, сколько потом не приглядывалась, больше ничего необычного не заметила. Наверное, просто почудилось.

Я решительно задернула занавеску, сняла шляпку, переоделась и отправилась вниз, посмотреть, как устроилась кухарка.

Грошчанка времени зря не теряла. На плите уже стоял чугунок с аппетитно булькающим супом, а сама Ру расставляла на полках посуду и тихо бормотала что-то на грошчанском.

– Хозяйка? – увидев меня, вопросительно протянула кухарка. – Вы чтой-то хотели?

– Всего лишь обсудить меню обеда.

– А чегой его обсуждать? Надобной покупки сделать, а то у вас ни круп, ни овощей нет. Да и мяса маловато. Чтой это – две косточки от грудинки? – насупилась Ру. – Вот, суп сварю и пойду к ару Карсону.

– Мы с ним условились, что он будет три раза в неделю доставлять мясо в коттедж. Как раз сегодня вечером привезет.

– А зеленщик? Оной тоже?

– Да, и ар Хант. Осталось только с молочником догово-

риться.

– Девчонку эту вашу пошлите, – сердито фыркнула кухарка. – Оной, конечно, бестолковая, и руки у нее не оттуда растут, ну да куда деваться?

– Чего это я бестолковая? – послышался от двери возмущенный голос, и Мэри влетела на кухню и рассерженно уставилась на кухарку. – Все у меня оттуда, откуда надо растет. Это просто у некоторых гонору с Веренскую гору.

– Мэри.

Я строго посмотрела на служанку и повернулась к Ру.

– Как ваше полное имя?

– Руанна, – неохотно ответила та и зыркнула на меня своими яркими глазами.

– Так вот, Руанна, я не люблю склок и скандалов, и не потерплю их в собственном доме. Каждый должен выполнять свою работу, и только я имею право ее оценивать. Поэтому постарайтесь впредь отзываться о Мэри с большим дружелюбием. А ты, Мэри, придержи характер и попытайся быть более вежливой с Руанной. Надеюсь, всем все понятно?

Я поочередно посмотрела на обеих служанок. Мэри сложила руки за спиной и с готовностью кивнула. Ру чуть помедлила, но тоже качнула головой в знак согласия.

– Вот и замечательно. Запомните, в Бузинном коттедже должны царить мир и взаимопонимание.

Я улыбнулась служанкам и подошла к плите.

– Пахнет вкусно, – сказала Руанне, разглядывая булькаю-

щий суп. – Вы добавили какие-то приправы?

– Тимьян, – ответила кухарка, и снова насупилась.

Вот же недоверчивая какая.

Я посмотрела на маленькие баночки со специями, стоящие на столе. Видимо, Ру принесла их с собой. Как и сковороду, которая висела теперь над плитой на самом видном месте.

– Что ж, не буду вам мешать, – сказала кухарке и обернулась к горничной. – Мэри, а ты навела порядок в гостиной?

– Ой, простите, госпожа, – спохватилась служанка и покраснела. – Уже бегу.

Она действительно бегом выскочила из кухни, а я понаблюдала немного за тем, как Ру ловко нарезает зелень, и вышла через черный ход во внутренний дворик. Мне хотелось поискать следы вчерашнего воришки. Не мог же он испариться?

Я внимательно осмотрела тропинку, тянущуюся от двери до соседнего участка, обыскала кусты живой изгороди, но не нашла ничего подозрительного. Скорее всего, в дом забрела бродячая собака. Или дикий кот.

Я уже собиралась вернуться, когда увидела за ровным рядом дерна знакомого всадника. В отличие от вчерашнего вечера, сегодня ар никуда не торопился. Его вороной медленно брел по дороге, а сам мужчина, с головы до пят одетый в черное, задумчиво смотрел вдаль, и в его синих, как небо Вердофа, глазах сквозил холод. Он ощущался даже на рас-

стоянии, невидимой изморозью расходясь по округе и оставляя почти осязаемые ледяные следы.

Мне стало не по себе, и я попятилась. Под ногами треснула ветка, всадник резко осадил коня и вскинул голову, уставившись прямо на меня. И чем дольше он смотрел, тем тревожнее становилось у меня на сердце. Минуты растянулись, как горячий леденец, чужой взгляд скользил по лицу – внимательно, въедливо, будто пытался отыскать ответ на незадаанный вопрос, в висках ломило от давления чужой силы, но я почему-то знала, что нельзя отворачиваться, нельзя разрывать протянувшуюся между нами нить, нельзя отступить.

Незнакомец усмехнулся уголком рта, словно его позабавила моя неуступчивость, но тут же помрачнел и первым отвел взгляд.

– Вперед, Верный! – услышала я негромкий окрик, и конь сорвался с места, переходя на галоп и вскоре исчезая за поворотом.

Я с трудом перевела дух. Ну и тип! У меня от одного его взгляда мурашки по коже побежали. А внешность? Статный, широкоплечий, лицо волевое, суровое, глаза настороженные, с жестким прищуром, как у охотника. Руки сильные, мускулистые. Такими и задушить недолго. Настоящий дикарь, хоть и облаченный в современную одежду. Все-таки в столице мужчины выглядят более цивилизованными. Интересно, кто он такой?

Я вернулась на кухню и обратилась к помешивающей суп

кухарке:

– Руанна, а вы давно живете в Кранчестере?

– Два года, – неохотно ответила та и тут же настороженно уточнила: – А чтой?

– Вы хорошо знаете местных жителей?

– Ну, знаю немногой, – еще неохотнее буркнула Ру.

– А всадника на вороном встречали? Высокого, крупного, у него еще взгляд такой...

Я попыталась подобрать нужное слово, но Ру меня опередила.

– Холодный? – подсказала она.

– Да. Вы знаете этого ара?

– Кто ж егой не знает? – хмыкнула кухарка. – Это Черный лорд. Хозяин всех окрестных земель.

– Вы говорите о графе Уинтшире?

– А о ком же ещей?

– И часто он бывает в Кранчестере?

– Не так чтобый. Но иногда заезжает. Пронесется на своем скакуне по городу, распугает местных ар и исчезнет. У него замок в Уинтшире. Большой. Вот там и сидит безвылазно.

– А почему графа прозвали Черным?

Я попыталась вспомнить, что знаю о владельце самого удаленного от столицы графства. Перед отъездом из Вердофа я специально просматривала сведения о главах тех областей, в которых могла бы поселиться. И про графа Уинтшира тоже читала. Ага. Старый род, и лорд Бенси – единственный

оставшийся в живых его представитель. Богат, холост, нелюдим. Из графства выезжает редко, с соседями не общается, постоянное место проживания – замок в Уинтшире, построенный при Уоррене Красном. Кажется, в одном из альманахов было даже изображение этого замка и связанные с ним легенды, но я не удосужилась их прочесть. О возрасте графа тоже вспомнить ничего не смогла, но на вид не дала бы больше тридцати шести. Хотя, это ни о чем не говорит – маги долго не стареют и могут выглядеть молодыми и в сто, и в двести, и даже в триста лет.

– Вы его видели? – спросила Ру и многозначительно на меня посмотрела. – Вот потому и Черный.

Ну да. Все предельно просто. В провинции особо не мудрствуют и дают самые очевидные прозвища – Рыжая Ру, Черный лорд.

– Говорите, он нечасто сюда приезжает?

– Нет. Если только раз в год.

Странно. А я его уже дважды за последние сутки встретила. Что он здесь забыл?

– Ладно, Ру, не буду вас отвлекать.

Я отогнала мысли о графе и улыбнулась кухарке. Та неопределенно мотнула головой и повернулась к плите, торопясь отгородиться от меня своей занятостью. Но я-то понимала, что она просто прячется от расспросов. Не хочет откровенничать.

Что ж, оставалось только надеяться, что со временем

грошчанка привыкнет ко мне и сможет довериться. Ведь не просто так она оказалась в Кранчестере? Да и помощь ей точно не помешает, в этом я не сомневалась.

Я понаблюдала еще немного за деловитой кухаркой, и вышла из кухни.

Редклиф Бенси

След оборвался внезапно. Редклиф шел по нему от самого кранчестерского леса, но на площади тот неожиданно исчез. Растворился. Пропал.

Что ж, сам виноват – отвлекся на хорошенькое личико, а когда снова вернулся к поиску, зыбкая черная нить растаяла в воздухе, словно ее и не было. Хотя, чему тут удивляться? Магия поиска не терпела эмоций. Страх, гнев, интерес, симпатия, даже азарт – все это мешало охоте. Трезвая голова и холодное сердце – вот что было главным в поиске.

Редклиф поморщился. Проклятые гверхи! Похоже, в этот раз ему достался сильный соперник. Достойный. Обычно со Дна мира на поверхность посылали тех, кого не жалко, расходный материал. Но сейчас все было иначе. Вкус магии ощущался другим: горьким, как цинхона, и слегка кисловатым, с примесью металла. Неужели кто-то из высших пожаловал?

Редклиф помнил рассказы деда. Тот любил порассуждать о Черной охоте, какой она была в те дни, когда память о Разломе еще жила в людских сердцах. Тогда, семьсот лет назад, гверхи не так часто прорывались на поверхность, но если уж это случалось, на них устраивали настоящие облавы. Довожатые из людей, специально обученные орхи – огромные скальные псы, умеющие отличать порождения Дна, ма-

ги-загонщики. Ну, и сами Черные лорды. Единственные, кто мог обнаружить гверхов в их натуральном виде, тогда как для остальных те оставались невидимыми. Это уже позже, когда братья Эйвар и Эйдан Бенси сумели наложить на Разлом особое заклятие и нападения гверхов прекратились, знания о теневой стороне мира постепенно исчезли, за несколько поколений превратившись в легенды. А ведь раньше каждый в графстве знал о том, что мир состоит из Светлой части и Темного Дна. И что обитатели Темной части только и ждут удобного случая, чтобы прорваться на поверхность.

Граф устало потер лоб. Как получилось, что из героев и защитников, которых знала вся страна, его предки стали нелюдими отшельниками? Когда это началось? После Великой войны? Да, скорее всего. Уже при его отце, четырнадцатом графе Уинтшире, новая религия, пришедшая в Эрилию с воцарением Эйвига, захлестнула графство и понемногу вытеснила старые верования. Даже храмы, посвященные древнему богу Руву, незаметно перешли в руки служителей Леи. А те принялись учить народ, что никакой Светлой стороны и Дна не существует. Как и гверхов, ракхов и ривенов, стремящихся завладеть людскими душами.

Редклиф криво усмехнулся. Посмотрел бы он на этих служителей, если бы они столкнулись с одним из тех, кого считали несуществующими.

Он прислушался, пытаясь уловить отголоски зова, но внутри все молчало. След пропал безвозвратно. Редклиф

привычно постарался отключить эмоции и настроиться на охоту, но перед глазами неожиданно возникло женское лицо. Умные серые глаза, чувственные губы – верхняя чуть более пухлая, – слегка вздернутый нос, красивый изгиб бровей, чистый высокий лоб, родинка на правой щеке, густые светлые волосы. Александра Эйден. Интересно, что привело ее в Кранчестер? И почему она одна?

Редклиф неожиданно представил, как убирает с лица де-вушки выющиеся пряди, как проводит ладонью по щеке, оттягивает нижнюю губу... И почти явственно ощутил под пальцами нежность теплой кожи, услышал биение сердца, почувствовал вкус поцелуя. Картинка была такой живой и яркой, что он задохнулся. Что это? Какая-то магия?

Грасс! Не о том думает. Нужно возвращаться в лес и начинать все сначала, пока остатки ментального следа не рассеялись окончательно. Место выхода гверха на поверхность Редклиф еще вчера запечатал, а вот самого донного только предстояло найти. И лучше было поторопиться.

Редклиф пришпорил Верного и направил того к выезду из города, заставив себя забыть и об увиденной незнакомке, и об оставшихся в замке приятелях, и о недавнем разговоре с Оуэном.

Александра Эйден

Четыре дня на новом месте пролетели незаметно. За это время Мэри успела привести коттедж в порядок, Ру освоилась на кухне, и теперь в доме пахло ароматной выпечкой и вкусной едой. А я понемногу знакомилась с Кранчестером и его жителями. Как ни странно, это оказалось не так уж и сложно. Каждое утро я совершала прогулки по городу, наведалась к госпоже Кросби, доброй знакомой полковника Бартена, заглянула к госпоже Даллен и удостоилась чести представиться цвету кранчестерского общества, и даже зашла в церковь. Надо сказать, и приор, и местные дамы приняли меня со всем радушием. Пресветлый Уэст заверил, что будет рад видеть меня на богослужениях, а дамы наперебой рассказывали о прелестях жизни в Кранчестере, расспрашивали об Уинтоне, всячески старались выказать свое дружелюбие и вовсю делились местными сплетнями. Так, я узнала, что госпожа Эмма Варсон – та самая ари, которую я видела выходящей из церкви, – владелица «Астории», столп и утверждение местного общества. А ее дочь Дейзи самая завидная невеста Кранчестера. За ней давали хорошее приданое, и все делали ставки, кому достанется рука ари – господину Биггсу, местному пивовару, или господину Добсу – стряпчему из Уинтшира. Оба молодых человека ухаживали за Дейзи весь последний год, но та не торопилась выказывать свою симпа-

тию ни одному, ни другому. Видимо, нацелилась на рыбку покрупнее. Такой вывод я сделала, когда заметила, как загорелись глазки юной ари при упоминании о графе Уинтшире.

Жаль, что про хозяина местных земель говорили мало и неохотно, а мои вопросы о нем часто оставались без ответа. Ари мялись, переглядывались, и переводили разговор на погоду. Похоже, Черный лорд пользовался не самой доброй славой. Я только и сумела узнать, что он редко покидает Уинтшир, и что в его замке часто гостит компания богатых друзей. А судя по тому, как нахмурилась госпожа Даллен, когда госпожа Пенси обмолвилась о приятелях графа, те явно не пользовались любовью местных жителей.

Звук дверного колокольчика заставил меня отвлечься от размышлений.

– Госпожа Эйден! – спустя минуту послышалось с лестницы. – Госпожа Эйден!

Мэри остановилась за дверью, стукнула для приличия пару раз и заглянула в комнату.

– Госпожа Эйден!

– Тихо, Мэри. Не нужно так кричать. Отдышись и объясни спокойно, что случилось?

– К вам посыльный, – выпалила служанка. Лицо ее покраснелось, в глазах плескалось любопытство. – Письмо принес. Сказал, отдаст только лично в руки.

– Хорошо. Я сейчас спущусь. А ты пригладь волосы и поправь фартук. И запомни – хорошая горничная должна пе-

редвигаться по дому тихо и незаметно, как бы она ни торопилась.

Я посмотрела на Мэри и вздохнула. Кому я это говорю?

– Слушаюсь, миледи, – отбарабанила служанка и, заметив мой взгляд, тут же исправилась: – Слушаюсь, госпожа.

– Иди вниз и скажи посыльному, что я спущусь через минуту. И не прыгай через ступеньки, – последние слова я договаривала уже мелькнувшей в дверном проеме спине.

Какая там степенность и незаметность? Эти понятия были совершенно несовместимы с моей Мэри.

Я усмехнулась, глядя на свое отражение в зеркале, разгладила едва заметную складку на воротничке и вышла из комнаты.

– Госпожа Эйден?

Посыльный, парнишка в широких не по размеру штанах и в вызывающе огромных ботинках, старательно хмурил брови, изо всех сил пытаясь выглядеть серьезным. Удавалось это ему откровенно плохо. Блестящие озорные глаза и встопорщенные светлые волосы сводили все потуги юного посыльного на нет.

– Госпожа Александра Эйден? – переспросил он.

– Да, это я.

Я старательно сдерживала улыбку.

– Вам заказное письмо. Распишитесь.

Посыльный протянул мне маглист, и я поставила подпись в указанной строке.

– Пожалуйста.

Парнишка достал из сумки большой серый конверт и вручил его мне.

– Светлого дня, госпожа Эйден! – попрощался посыльный, но я только молча кивнула, разглядывая знакомый адрес отправителя. Адвокатская контора братьев Лейбен. И почему мне кажется, что в этом письме нет ничего хорошего?

Вспомнился унижительный разговор с Дональдом Лейбеном, его равнодушные водянистые глаза и презрительно оттопыренная нижняя губа, и в душе снова взметнулась ярость. Как же я ненавидела этого жирного стряпчего, не позволившего мне поговорить с мужем! Оградившего Берти от моих, как сказал Лейбен, назойливых домогательств.

Я плотно сжала губы, заставив себя успокоиться, высоко вскинула голову и направилась к лестнице. За те четыре года, что была хозяйкой большого особняка, я твердо усвоила одну истину – нельзя показывать слугам свои эмоции. Ни к чему хорошему это не приведет. Стоит только поддаться чувствам, выдать страх или растерянность – и прислуга мгновенно это заметит. И в доме тут же начнется разлад: еда окажется пересоленной или недосоленной, белье – сырым, а комнаты – неубранными.

Я сжала письмо. Оно жгло мне руки, а каждый шаг отдавался в голове неприятным сопровождением: – «Лорд Монт не желает вас видеть, миледи». «У его милости поменялись

планы, и он не сможет с вами встретиться». «Увы, но лорд Монт не принимает»...

Я пошла быстрее, а Мэри незаметно отступила к стене, не решаясь нарушить ставшую зловещей тишину Бузинного коттеджа. Похоже, тоже успела разглядеть знакомый штемпель и сделать выводы.

Я поднялась наверх, села в кресло, заставила себя вскрыть конверт и вчиталась в сухие казенные слова. И чем дольше читала, тем тяжелее становилось на сердце. Берти решил меня уничтожить. Ему показалось мало того, что он выкинул меня из дома, лишив денег, титула, положения и оставив лишь крохотное содержание. Теперь он собирался забрать и его.

Перед глазами все поплыло. За что он так со мной?

Даже пережив унижительный развод и все потери, я так и не сумела понять, что случилось с моим мужем. Почему он так поступил? Почему выбросил меня из своей жизни, как будто я была старой надоевшей вещью? И ведь даже не соизволил сказать об этом в лицо, уехав из страны и передав все дела по разводу конторе братьев Лейбен. А те, сколько я ни пыталась добиться внятных объяснений, отделялись от меня сухими отговорками, и лишь во время суда я узнала о том, что обвиняюсь в неверности и в неподобающем поведении.

Я прикрыла глаза рукой и вздохнула. До сих пор не могла спокойно вспоминать, как стояла на возвышении, на глазах

у разгоряченной бесплатным представлением толпы, и изо всех сил пыталась не заплакать. Не знаю, как сумела выдерживать все до конца. Наверное, только мысль о честном имени отца заставляла меня упрямо тянуть подбородок вверх и твердо отвечать на вопросы стряпчего. Сколько раз я потом жалела, что не послушала полковника Бартена и явилась на суд! «Алекс, поверь, все уже решено, ты ничего не сможешь исправить. Если Альберт запустил процесс, он не остановится. И твои попытки что-то изменить сделают только хуже. Пусть вас разведут тихо, без шумихи. За неявкой виновной стороны все проходит быстро и почти безболезненно». Меня тогда задела эти слова. Я не считала себя в чем-либо виноватой. Но старый друг отца оказался прав. Мне действительно не следовало приходить на заседание. Всю мою жизнь, каждое мое слово и поступок вывернули на потеху публике и представили так, что я оказалась в роли развратной падшей женщины, обманувшей доверие мужа. Да мне даже имя любовника называли, хотя я в жизни об этом человеке не слышала! Но кого это волновало? Суд вынес решение, и нас с Берти развели. И, как писали в газетах, только доброта не позволила лорду Монту лишиться неверную жену средств к существованию. И никого не волновало, насколько мизерны эти средства, нет! Все восхваляли благородство моего супруга, а меня обливали презрением. И вот теперь, когда все утихло и общество успело забыть о нашем разводе и переключиться на свежие скандалы, Берти решил забрать то последнее, на

что я могла рассчитывать, и нанес последний удар.

Я зажмурилась, сдерживая слезы, и долго сидела так, не в силах пошевелиться. В голове набатом звучало одно: я должна что-то придумать. Берти меня не сломить. Я выживу, вопреки всему, не сдамся, не скачусь на дно, как предрекала тетя Мейбл. Нужно только найти какой-то выход.

Выход. Он должен быть. Должен!

Весь день я проходила из угла в угол, меряя шагами небольшую спальню и пытаюсь отыскать хоть какое-нибудь решение. Пару раз не выдерживала и пересчитывала оставшиеся деньги, обдумала с десятков способов заработка и все их отвергла, как нежизнеспособные. А потом устало опустилась на кровать и в отчаянии сжала руки. Тонкая ткань платья, смявшаяся в пальцах, напомнила мне тот день, когда я его купила. Я тогда прогуливалась по Вернон-роуд – улице, на которой располагались самые дорогие магазины столицы. Широкий проспект тянулся от Летнего дворца до площади Трех каштанов. На самом деле каштанов там было намного больше, они росли по обеим сторонам дороги ровными рядами, и нежный сладковатый аромат их цветов накрывал несколько ближайших кварталов. Я шла, любовалась ярким небом, отражающимся в витринах магазинов, и была невероятно, просто до неприличия, счастлива. Я несла это счастье в себе, боясь расплескать, представляла, как засияют глаза мужа, когда я расскажу ему долгожданную новость. Воображение рисовало маленького светловолосого карапуза и

заполнившуюся жизнью детскую. Бесчисленные серебряные погремушки и всякие смешные мелочи. Крошечные чепчики и тонкие батистовые рубашки. И тут я увидела за одним из стекол голубое платье с изящным кружевным воротничком. Оно было совсем простым, даже простеньким, но почему-то показалось мне ужасно милым. И я зашла в магазин и купила его. Без примерки. Мне казалось, что оно символизирует мою новую жизнь, мирную, наполненную приятными семейными хлопотами и ожиданием чуда.

Я горько улыбнулась. Что ж, у меня и впрямь началась новая жизнь. Только совсем не такая, какую я себе представляла. И это снова возвращало меня к тому, с чего я начала: что мне делать? Как заработать на эту самую жизнь?

К сожалению, мое воспитание было типичным для благородной леди, и все, что я умела, совсем не подходило для добывания денег. Да, я разбиралась в искусстве, неплохо пела и музицировала, имела хороший вкус. Но вряд ли кто-то станет за это платить. Кому в провинции нужны мои столичные замашки! Или...?

Мысль, пришедшая в голову, была неожиданной, но отозвалась в душе робкой надеждой. А что, если попробовать? Да, для этого придется полностью перекроить жизнь, но, может, оно и к лучшему?

Редклиф Бенси

Гверх оказался осторожным. Скрывался так умело, что Редклиф никак не мог уловить его ментальный след. Или это потому, что слишком много времени прошло?

Редклиф спешился, легко похлопал Верного по крупу, оставляя на границе леса, и вошел в тень. Ему не нужно было долго настраиваться, чтобы отсечь эмоции. Главный навык, которому с детства учили Черных лордов – умение подавлять чувства. Не позволять им брать верх над сердцем и разумом. Создавать экран между собой и внешним миром, не разрешая эмоциям мешать охоте. Уинтширы сполна овладели этим искусством. Редклиф не помнил ни любви родителей, ни доброты близких, ни беззаботного детского веселья. Холод и контроль – вот то, что ценилось в их семье превыше всего. «Запомни, сын, – любил повторять отец. – Чувства делают нас слабыми. А Разлом не прощает слабости».

Редклиф неслышно передвигался по пружинящей траве, отмечая краем сознания привычные мелочи – громкое пение птиц, запах прелой листвы, журчание ручья, впадающего в Брейю, сочную листву старых кленов. Но все это не вызывало в его душе ни малейшего отклика, как и всегда, когда он выходил на охоту.

В какой-то момент ему показалось, что он ощутил неявный привкус металла, но стоило только сделать шаг, как тот

исчез. Редклиф замер, прислушиваясь к себе, и отступил назад, к старому дубу. А потом внимательно осмотрелся и закрыл глаза, переходя на внутреннее зрение. Старые, едва уловимые следы кружили вокруг тонким пунктиром, то уходя к самой реке, то возвращаясь. Гверх хитрил. Петлял, как заяц. Надеялся его запутать.

Редклиф остановился и задумался. Все следы были старыми, новых он не нашел. Тогда где скрывается донный? В лесу его нет, это очевидно. В городе? Гверхи не любят скопления людей и стараются их избегать, предпочитая густые заросли и болота. Там им легче находиться в своем естественном виде. Но что, если донный сумел найти подходящего носителя? Что, если ему удалось заменить собой живую душу?

Это плохо. Придется возвращаться в Кранчестер и искать среди жителей. Редклиф устало провел рукой по лбу. Похоже, пришла пора вспомнить старые законы, и объявить карст. Ведь это единственный способ проверить всех обитателей графства.

Редклиф свистнул, подзывая Верного, дождался, пока вороной окажется рядом, вскочил в седло и поскакал к Кранчестеру.

Александра Эйден

Я резко открыла глаза и в первый момент не поняла, где нахожусь. Сон, в котором я обнимала своего малыша, гладила его льняные волосы, ловила ртом крошечные пальчики, был таким реальным, что я задохнулась от ощущения пустоты в собственных руках. Все казалось таким настоящим – и тяжесть маленького тела, и тугие перевязочки на запястьях, и тихое дыхание... Я так мечтала об этом – долгие четыре года, – так верила, что все получится! И вот, когда все действительно получилось, судьба, будто в насмешку, отобрала у меня и моего ребенка, и надежду. Святые небеса, за что? Почему это случилось? Почему со мной?

Я уткнулась в подушку и прикусила зубами ее край, пытаясь сдержать подступающий к горлу крик. Но он рвался наружу, саднил горло, пробивался хриплым стоном. Его питала та боль, что выворачивала душу, и я ничего не могла поделать. Днем, в окружении чужих людей, мне приходилось держать лицо и не показывать того, что творится внутри, но ночью... Ночи были моим кошмаром и наказанием. Каждый раз видеть во сне своего ребенка, целовать крутой лобик, слышать веселый смех и каждый раз возвращаться в ту реальность, в которой моего малыша больше не было. Понимать, что его вообще никогда не было. Что он просто не успел родиться. Невыносимо. Невозможно. Больно.

Я перевернула намокшую подушку на другую сторону. В окно светила яркая луна, и в ее свете все вокруг показалось каким-то ненастоящим. Что я делаю в этом доме и этом городе? Зачем пытаюсь склеить осколки собственной жизни? Не проще ли покончить со всем раз и навсегда?

Эти мысли, раз за разом, приходили мне в голову, и всякий раз я гнала их, ругая себя за слабость. Нужно жить. Что бы ни случилось, нужно жить дальше. Но сегодня никакие убеждения не действовали. Я снова видела перед глазами лицо мужа, и мне хотелось стереть его из своей памяти, забыть, не помнить. Если бы не он... Если бы не его ненависть... Что ж, я тоже научилась ненавидеть. И никогда не прощу Альберту того, что он сделал.

До самого утра я не сомкнула глаз, а с первыми лучами солнца встала с постели, умылась ледяной водой и заставила себя вернуться к образу спокойной и уравновешенной ари.

Никому не было дела до того, что творится у меня в душе. Вот пусть все так и остается. Уверенный взгляд, легкая улыбка – «все прекрасно, Сэнди. У тебя все прекрасно».

Я дождалась прихода Мэри, позавтракала и оделась, а потом отправилась на улицу Старого камня, к местной модистке госпоже Линдси.

Домик, расположенный на извилистой улочке, выглядел

непрезентабельно. Серые стены, маленькие окна с частым переплетом, низкое крыльцо. Судя по всему, достатком тут и не пахло.

Я вошла вовнутрь и оказалась в тесном помещении, заваленном рулонами тканей и картонными лекалами.

– Светлого дня, госпожа, – послышался из-за вороха обрезков тоненький, похожий на детский голосок. – Вы хотите заказать платье?

– Светлого дня. Я могу увидеть госпожу Линдси?

– Конечно, госпожа, – торопливо согласился голосок, и я заметила вынырнувшую из-под прилавка невысокую, похожую на кузнечика ари.

Казалось, она состояла из сплошных углов и острых линий – худые руки, хрупкие плечики, длинный нос, неправильные черты. И при всем этом была в модистке некая гармония, словно все эти углы складывались в правильном порядке.

– Чем могу служить, госпожа?

Линдси улыбнулась, и ее узкое лицо преобразилось, став по-настоящему симпатичным.

– Я хотела бы заказать легкое утреннее платье, – ответила я и обвела взглядом тесное помещение.

Похоже, когда-то оно знало лучшие времена. На стенах висели забранные в рамочки женские силуэты и вырезки из модных журналов, длинная консоль пестрела стоящими на ней статуэтками-пэни. Фарфоровые девушки приседали в реверансах, улыбались, шептались друг с другом или, чуть

склонив хорошенькие головки, обмахивались веерами. Такие безделушки были популярны лет десять назад, и пользовались большим успехом у дам. В дальнем углу я заметила изящное кресло. Его трудно было различить под ворохом тканей, но выбитая на потертом бархате подлокотника лилия намекала на родство с известным в Вердофе мебельным домом «Уинфри и Ко».

– Желаете посмотреть журналы? – голос модистки дрогнул, и она торопливо добавила: – Или я могла бы сделать набросок.

И столько скрытой мольбы прозвучало в ее словах, что я поняла – нет никаких модных журналов. Это всего лишь жалкая попытка придать своему заведению больший вес.

– Давайте сделаем набросок и определимся с материалом, – ответила напряженно застывшей модистке и добавила: – Я слышала, у вас очень хороший вкус.

Линдси зарделась, глаза ее довольно блеснули, но она тут же смутилась и кинулась к прилавку, на котором лежали свернутые ткани.

– Вот, извольте видеть, только недавно доставили из Уинтшира, – торопливо бормотала она, вытаскивая небольшой рулон нежно-голубого батиста. – Из него выйдет замечательное утреннее платье.

Линдси посмотрела на меня, и я кивнула. Модистка просияла и схватила со стола чистый лист бумаги и карандаш.

– Вот, посмотрите, если сделать чуть завышенную линию

тали и присборить рукава...

Она увлеченно рисовала, а я глядела на появляющиеся на бумаге линии, и понимала, что предлагаемый модисткой фасон устарел еще лет пять назад. Хотя талант у Линдси был, определенно. И шила она хорошо. Я успела рассмотреть наряды местных дам и выяснить, где они одеваются. Так вот, примерно половина небогатых аристократов одевались у госпожи Линдси. А остальные, более состоятельные, шили наряды у портних Уинтшира.

– Госпожа Линдси, а вы всегда жили в Кранчестере? – спросила я, когда модистка снимала с меня мерки.

– Нет, я приехала сюда из Девершира десять лет назад, – ответила Линдси, и я почувствовала, как дрогнули на моей талии ее руки.

– Местным дамам повезло.

Я улыбнулась, стараясь сгладить возникшее напряжение, и модистка незаметно выдохнула, заставив меня задуматься. Похоже, этой худенькой женщине без возраста тоже есть что скрывать.

– Вы очень добры, госпожа Эйден, – ответила модистка, и я поняла, что кто-то из аристократов поделился с ней историей моего появления в Кранчестере.

Уже позже, когда мерки были сняты и мы с модисткой обговорили сроки и цену, я приступила к тому, ради чего и пришла в это маленькое ателье.

– Госпожа Линдси, а вы не хотели бы работать в Модном

доме? Подумайте, вы могли бы получать гораздо больше. И шить самые модные наряды сезона.

– О чем вы, госпожа Эйден?

– Я хочу открыть в Кранчестере настоящий Модный дом, в котором, по примеру столицы, можно было бы не только сшить наряд на заказ, но и купить уже готовую одежду.

– Вы собираетесь открыть такой дом в Кранчестере? – переспросила Линдси и побледнела. В ее темных глазах плеснулось отчаяние. Видимо, из моей речи женщина услышала только одно – приезжая выскочка решила ее разорить.

– Госпожа Линдси, я предлагаю вам работать на меня. А всю прибыль будем делить пополам.

– Вы умеете шить?

– Нет. Но я умею кое-что другое. Я могу создать заведение, в которое с радостью потянутся посетители. У вас ведь стало меньше клиентов? Большинство дам Кранчестера предпочитает одеваться в Уинтшире, не так ли?

– Ну да, – в тоненьком голоске прозвучала горечь.

– Не задумывались, почему?

– Так ведь в Уинтшире одеваться престижнее.

– А если в Кранчестере появится Модный дом, который будет престижнее уинтширского?

– И где вы собираетесь его открыть?

– В Бужинном коттедже. Я уже продумала, как там все устроить. От вас потребуется только одно – снимать мерки и шить. В общем, это то же самое, чем вы занимаетесь здесь.

А я возьму на себя привлечение и обслуживание клиентов. Вы ведь работаете одна, без помощницы?

Модистка молча кивнула.

— В дальнейшем мы могли бы расширить штат и взять еще пару швей. А пока вам будет помогать моя служанка.

— Мне нужно подумать, — с сомнением произнесла Линдси.

— Думайте, только не очень долго. Если вы не согласитесь, у меня на примете есть пара портних из Уитби.

Я специально назвала ближайший к Кранчестеру городок, рассчитывая, что это заставит Линдси поторопиться с ответом.

Портниха сжала руки. В ее глазах метнулось беспокойство.

— Пятьдесят процентов с каждого заказа? — спросила она.

— Да. Подпишем договор у стряпчего, обговорим все детали.

— Я... Я подумаю и сообщу вам.

— Хорошо.

Я улыбнулась и поднялась из-за стола.

— Если захотите прийти и посмотреть все на месте, буду рада.

Линдси растерянно моргнула и обвела грустным взглядом захламленную комнатку.

— Спасибо, госпожа Эйден. Я приду, — сказала она, отвечая на мое рукопожатие. — А платье? Это был всего лишь

предлог? Вы не собираетесь его шить?

– Отчего же? Мне просто необходимо утреннее платье, и я буду рада, если вы его сошьете.

Я кивнула модистке и закрыла за собой дверь.

В Бузинном коттедже бушевала гроза. Стоило мне войти в дом, как я попала в самый эпицентр бури. Маленькая сердитая Ру, выпятив несуществующую грудь, наступала на Мэри, а та, воинственно выставив перед собой метелку для пыли, взмахивала ею на каждое произнесенное Руанной слово. Так, будто сметала обвинения кухарки.

– Признавайся, воровкай! – ругалась Ру. – Кто съел бланманже? Я его на ночь на столе оставила застывать, а утром одни пустые тарелки нашла! Негодничай! Ты зачем без спроса берешь? Чем я хозяйку кормить буду?

– Что ты на меня кричишь? Не брала я никакого манже! – возмущалась Мэри. – Я не воровка!

– А кто ж тогда его съел? Кроме тебя никому!

– Поглядите на нее! – не сдавалась Мэри. – Может, ты сама и съела, почему мне знать? А на меня спихнуть решила!

– Ах ты негодничай!

Ру покраснела и замахнулась на Мэри полотенцем.

– Да чтобы я хоть раз что-то чужое взяла?! Да чтобы я...

– Что здесь происходит?

Я решила вмешаться, пока дело не дошло до драки.

– Госпожа?!

Мэри и Ру, увидев меня, одинаково застыли, а потом наперебой принялись обвинять друг друга. Кухарка сердито бухтела, что бестолковая служанка ворует хозяйскую еду, а Мэри возмущалась, что таких лгуний, как Ру, свет не видывал, и еще неизвестно, кто она такая и почему сбежала из Грошчева.

– Всем известно, что грошчане никогда не уезжают со своей любимой родины по собственной воле! – запальчиво выкрикнула Мэри. – Надо еще проверить, что ты там натворила, что тебя выгнали!

– Да ты... Ты...

Ру побледнела, задохнулась, в ее крыжовенных глазах мелькнула боль.

– Все. Хватит, – резко сказала я. – Прекратите эту свару. Если еще раз я услышу в доме брань, вы обе окажетесь на улице. Ру, ты видела, что это Мэри съела бланманже?

Под моим строгим взглядом кухарка отрицательно помотала головой.

– Тогда почему ты накинулась на нее с обвинениями?

– Так ведь кроме нее большей некому, – не сдавалась Ру.

– Это не тебе решать. В следующий раз иди ко мне, а я сама разберусь, кто и в чем виноват. Понятно?

Кухарка молча кивнула и исподлобья посмотрела на Мэри.

– А ты, Мэри, прежде чем строить недостойные предположения, хорошенько подумай. Если я взяла Руанну на работу, значит, мне известно, кто она и как оказалась в Кранчестере. И обвиняя ее, ты обвиняешь и меня.

– Простите, госпожа Эйден.

Горничная потупилась, и ее щеки медленно залил густой румянец.

– Еще одна такая ссора, и вы обе пойдете искать другое место. Так что дважды подумайте, прежде чем затевать очередную свару. Больше предупреждать не буду.

Мэри судорожно сжала метелку, Ру спрятала руки под фартук, и обе обменялись взглядами, по которым я поняла, что война перешла на другой уровень. Подпольный. Что ж, оставалось надеяться, что рано или поздно им надоест воевать, и они смогут поладить. Глупо сражаться друг с другом, когда мы все в одной лодке. Точнее, в Бузинном коттедже.

– Руанна, обед готов?

– Да, госпожа.

– Отлично. Мэри, накрой на стол. И ты мне потом понадобисься.

– Да, госпожа Эйден?

В глазах служанки мелькнуло любопытство.

– Займемся небольшой перестановкой.

Я ничего не стала объяснять и пошла к лестнице, а Ру и Мэри снова переглянулись и молча отправились на кухню.

Уже позже, после обеда, я обошла весь первый этаж, записывая, что нужно переделать, а Мэри ходила следом, и вся просто лопалась от любопытства. Правда, надо отдать ей должное, служанка терпела и с расспросами не лезла.

– Мэри, ты сможешь найти Сенную улицу? – закончив осмотр, спросила горничную.

– Да, госпожа.

– Тогда отправляйся вот по этому адресу, – я протянула служанке сложенную вдвое бумажку, – и попроси господина Крули зайти к нам для заказа.

– А кто он, этот господин Крули?

Любопытство, преследовавшее Мэри последние полчаса, наконец нашло выход. В больших голубых глазах светился детский интерес, щеки покраснели, а вместе с ними заалели и смешно оттопыренные уши. Мэри двумя руками поправила тонкие косицы и чуть подалась вперед в ожидании ответа.

– Владелец столярни.

– Вы хотите сделать ремонт, да?

– Именно. Я собираюсь открыть в Кранчестере Модный дом, а для этого весь первый этаж придется переделать. Нам понадобятся столы для раскройки и подиум, а еще – манекены и кресла для посетительниц.

После моих слов наступила тишина. Мэри чуть нахмури-

ла тонкие брови и задумалась.

– А у вас уже есть портниха? – через пару минут спросила она.

– Надеюсь, скоро будет.

– А я? Я смогу работать в Модном доме? У меня тетка закройщицей была, я всегда ей помогала.

В голосе служанки прозвучала такая надежда, что я невольно улыбнулась.

– Я на тебя рассчитываю, Мэри. Очень важно, чтобы наши клиенты могли чувствовать себя здесь, как дома, и даже лучше. Чай, кофе, сладости, вежливое обслуживание, – вот главные слагаемые успеха. Правда, для этого тебе нужно немного попрактиковаться. И научиться быть незаметной. Впрочем, об этом мы поговорим позже, а пока беги к господину Крули и постарайся уговорить его прийти как можно быстрее.

– Все сделаю, миледи, – закивала Мэри и тут же исправилась: – Простите, госпожа. Я быстро. Вы оглянуться не успеете, как мы с господином Крули уже будем здесь.

Я только усмехнулась, а Мэри подхватила юбки и рванула к выходу, едва не сбив стоящий под зеркалом небольшой столик.

Да, пожалуй, с незаметностью точно возникнут проблемы. Может, существует какое-то заклинание, превращающее слишком порывистых девиц в тихих и бесшумных горничных?

– Хозяйка, – отвлек меня от размышлений непривычно

неуверенный голос Руанны.

Я повернулась и увидела застывшую в двух левах от меня кухарку.

– Ты что-то хотела, Ру?

– Да, – выпалила та и замолчала.

– Я тебя слушаю.

В зеленых глазищах мелькнуло сомнение. Руанна убрала руки под фартук и нахмурила брови.

– Вы заступились за меня, – пробормотала Ру и снова замолчала. – Сказали, что вам все про меня известной, – после паузы продолжила она и вскинула на меня горящий решимостью взгляд. – Я вам благодарнай. И хочу, чтобы вы знали, я не совершила ничего плохого. Меня никто не выгонял из Грошчева. Я сама... Сама ушла. От мужа.

Она с силой стиснула руки и опустила глаза.

– Он плохо с тобой обращался?

– Бил. Но это ничегой. Я крепкая, терпела. А потом Анжей привел в дом другую. Сказал, что я должна им прислуживать. Я собрала вещи и ушла. Не хотелай, чтобы они...

Ру не договорила, но я почувствовала, сколько боли и обиды скрывается за ее коротким рассказом.

– Я никому не говорилай об этом. Стыдной, – добавила она. – Пятнадцать лет вместе прожили, двух деток схоронили, а он со мной так.

– А еще дети есть?

– Нет. Все померли. Никого не осталось.

Ру незаметно отерла щеки, а я почувствовала, как защемило сердце, и не удержалась. Подошла к грошчанке и обняла ее.

– Не бойся, Ру, – прошептала, глядя вздрагивающие плечи. – Здесь тебя никто не обидит. А муж... Забудь о нем и начни жизнь заново. Я постараюсь тебе в этом помочь. Ты ведь слышала, о чем я говорила с Мэри?

– Да, хозяйка, – кивнула Ру и яростно вытерла кулаком влажные глаза.

– Нам понадобятся сладости и выпечка для клиенток. Как думаешь, справишься?

– Даже не сомневайтесь, хозяйка. Все сделаю, – решительно заявила грошчанка, и на ее сердитом обычно лице появилось странное выражение. Мне показалось, что Ру пытается улыбнуться, но в последний раз улыбалась так давно, что попросту забыла, как это делается.

– Вот и отлично.

Я отстранилась и внимательно посмотрела на кухарку.

– Значит, договорились. Обещаю, как только дело пойдет на лад, я прибавлю тебе жалованье.

– Спасибо, хозяйка, – кивнула Ру и снова нахмурилась. Видимо, так ей было привычнее.

– И не волнуйся, твою историю никто не узнает, – успокоила я кухарку, и увидела, как посветлело ее лицо.

Ру ничего не сказала в ответ, только кивнула и отправилась на кухню, а я вернулась в гостиную и взяла тетрадь, в

которой подсчитывала расходы. Денег предстояло потратить немало. При виде написанной цифры в душе шевельнулось сомнение. Это ведь только приблизительная смета. На самом деле все может обойтись гораздо дороже. Что, если моих сбережений попросту не хватит? Или дело прогорит? Нет, нельзя так думать. У меня все получится.

Я села в кресло и еще раз внимательно просчитала расходы, прикидывая, что действительно необходимо, а от чего на первых порах можно и отказаться. И когда появились Мэри и толстячок Крули, у меня уже был готов окончательный план.

А дальше началось самое сложное. Я показала столяру дом и объяснила, что хочу изменить, а тот записывал в блокнот какие-то странные закорючки и глубокомысленно кивал на каждое мое предложение.

– Это можно, – нарисовав очередную закорючку, приговаривал он. – Это мы сделаем.

Крули выглядел таким обстоятельным, что я даже не сомневалась – этот точно сможет и сделает. Да и мебель в доме говорила о том же – вся она была изготовлена в принадлежащей Крули мастерской.

Мэри повсюду ходила за нами и очень старалась быть незаметной, но получалось у нее неважно. Она умудрялась задевать все выступающие углы и каждый раз расстраивалась, а от этого становилась еще более неловкой.

Мы дошли до лестницы, которую я планировала использовать, как подиум для показов, и в этот момент в дверь на-

стойчиво позвонили.

– Я открою, госпожа, – торопливо пробормотала Мэри и кинулась вперед.

Она распахнула дверь, и я увидела на пороге уже знакомого парнишку-посыльного.

– Послание для госпожи Эйден! – выкрикнул он, так и не убирая палец с кнопки звонка. – Срочное!

– Давай сюда, – сказала Мэри, но посыльный помотал головой и заявил: – Отдам только лично в руки.

– Прекрати трезвонить и давай свое послание.

Я взяла у него тонкий лист с незнакомым гербом, а парнишка наконец перестал мучить звонок и удобнее перехватил большую пачку похожих листов.

«Граф Уинтшир приказывает всем жителям Кранчестера явиться пятнадцатого числа сего месяца в здание общественных собраний для исполнения карста, – прочитала я написанные каллиграфическим почерком строки. – Ослушавшимся грозит штраф и выселение из города и графства в течение суток».

– Распишитесь, что получили уведомление, – деловито заявил посыльный и протянул очередной лист, в котором значился длинный ряд фамилий. – Вот здесь.

Парнишка ткнул пальцем в строку напротив моего имени.

Я посмотрела на пестрящий подписями лист и спросила:

– Тут написано – для исполнения карста. Что это значит?

– Старый закон Уинтшира, – отбарабанил посыльный. –

Каждый должен принести Черному лорду какое-то подношение и отдать лично в руки.

– А что приносят?

– Да кто что может. Кто-то птицу несет, кто-то – выпечку, иные девицы с вышивкой приходят или с вязанием каким.

– И часто этот карст проводится?

– Дед сказывал, последний раз при старом графе было, лет пятьдесят назад. Ну все, я вас оповестил, смотрите, не опаздывайте. Черный лорд страсть как не любит, когда кто опаздывает.

Посыльный зажал подмышкой пачку листов, поправил сползающие штаны и припустил к соседнему дому, а я закрыла дверь и снова вчиталась в короткие строчки. «Граф Уинтшир приказывает...» Странно. Такое ощущение, что я попала в какие-то дремучие времена. Надо же, подношения. Неужели местному лорду нужны чьи-то пироги и вышивки? Куда он их девать будет?

– Выходит, нам с Ру тоже нужно идти? – спросила Мэри, вырывая меня из раздумий.

– Выходит, что так, – кивнула в ответ.

– Ну, я пойду, госпожа Эйден, – напомнил о себе Крули. – Значит, я все просчитаю и скажу вам, во сколько обойдутся материалы и работа. Светлого вам дня.

Не дожидаясь ответа, хозяин столярни выкатился за дверь и припустил по улице с такой прытью, какой сложно было ожидать от человека его комплекции.

А я еще раз прочитала послание и отправилась на кухню, договариваться с Ру о том, какое подношение принести графу.

ГЛАВА 3

Листопадная площадь была заполнена людьми. Сегодня здесь собрались все жители города. Богатые и бедные, молодые и старые, все они надели свою лучшую одежду и пришли к зданию собраний, чтобы исполнить волю графа Уинтшира.

Мы с Мэри и Ру оказались почти в конце очереди, которая растянулась до самого Бузинного коттеджа. И теперь стояли с пирогами в руках и разглядывали оказавшихся поблизости горожан. Каждый из них пришел с подношением. Кто-то принес пойманных голубей, кто-то, как и мы – сдобную выпечку, у одной дамы я заметила свернутую белую рубаху, а другая держала перед собой вышитую диванную подушку. Собравшихся объединяло одно – все они выглядели настояженными, и в толпе не слышалось ни смеха, ни разговоров. Мне даже показалось, что горожане чего-то опасаются, но из всех сил пытаются это скрыть.

– Странные они какие-то, – прошептала Мэри. – Как будто на похороны собрались.

Я мысленно согласилась с горничной, но вслух ничего не сказала.

– И обычай странный, – не унималась Мэри. – Зачем графу все эти подношения?

– Тихо ты, – шикнула на служанку Ру. – Меньше болтай – дольше проживешь.

– А ты не командуй, без тебя разберусь, – огрызнулась Мэри, но тут же замолчала, заметив мой взгляд.

– Не вздумай дерзить Черному лорду, – еле слышно сказала Ру, посмотрев на Мэри без прежней враждебности. – Он этого не любит.

– И что он может мне сделать? – фыркнула Мэри. – Чай, не в прежние времена живем, сейчас по закону все одинаковы, хоть ты граф, хоть ты конюх.

Она посмотрела на меня, ожидая поддержки, но я не торопилась соглашаться, продолжая наблюдать за быстро продвигающейся вперед очередью. Мы уже успели дойти до середины площади и остановились по другую сторону церкви.

– Госпожа Эйден, он же нам ничего не сделает? – не унималась Мэри.

Она говорила громким шепотом, а ее глаза возбужденно сверкали.

– Мэри, успокойся, и веди себя, как обычно. Никто и ничего тебе не сделает, – заверила я ее и постаралась заглушить плохое предчувствие, поселившееся в душе со вчерашнего дня.

Стоящий впереди господин обернулся и смерил меня внимательным взглядом, а потом как-то странно усмехнулся и качнул головой.

– Вы хотели что-то сказать? – спросила я мужину, но он тотчас отвернулся и поспешно сделал шаг вперед.

– Не надой, – тихо пробормотала Ру и едва ощутимо кос-

нулась моей руки. – Не спрашивайте.

Я посмотрела на нее, и увидела в ее глазах предупреждение. Что ж, придется просто наблюдать и делать выводы. Странно, конечно. Уезжая из Вердофа, я предполагала, что жизнь на окраине королевства отличается от столичной, но не думала, что настолько. Непривычные названия улиц и площадей, какие-то странные местные законы, Черный лорд и его загадочный замок...

– Госпожа Александра Эйден, Руанна Кошевич и Мэри Пливел, – громко произнес одетый в старинную одежду глашатай, и мне пришлось отложить размышления и шагнуть в распахнутые двери зала собраний.

Внутри оказалось достаточно просторно. Украшенные росписью стены, истертый от времени мрамор пола, широкие проемы, огромные, заливающие залу ярким светом люстры. У дверей стояли слуги в зеленых ливреях и парочка плечистых мужчин в старомодной черной форме. Они казались застывшими изваяниями. Неужели это та самая личная охрана графа, о которой рассказывала как-то госпожа Пенси?

Люди по одному входили со стороны площади, отдавали свои нехитрые подарки, и, не задерживаясь, выходили через другую дверь. Несколько богато одетых горожан, среди которых я узнала госпожу Варсон с дочерью и местного мэра с супругой, неподвижно застыли вдоль стен, но стоило мне увидеть стоящее посреди зала кресло с высокой дере-

вянной спинкой и сидящего в нем графа, как я разом забыла об остальных присутствующих, сосредоточившись на одном. Длинные распущенные волосы, гладкие, блестящие, насыщенного черного цвета; плотно сжатые губы, твердый подбородок, холодная синь глаз – пронзительных, настороженных, недоверчивых. Их взгляд напоминал взгляд зверя, выслеживающего свою добычу. Граф смотрел на меня, не мигая, и я чувствовала себя той самой добычей, на которую объявлена охота. Вот же глупости какие!

Я стряхнула странное оцепенение и подошла к «трону», протягивая восседающему на нем мужчине испеченный Руанной пирог.

Граф не торопился принимать подношение. Он подпер голову рукой и продолжал смотреть с холодным интересом, словно снимая с меня и платье, и сорочку, и белье, и оставляя в одних чулках. По коже побежали мурашки, плечи обдало ледяным ветром, внутри что-то сжалось. Прошла минута, другая, третья, и я не выдержала.

– Он довольно тяжелый. Не хотите его взять? – громко спросила у графа.

Тот не ответил, по-прежнему не спуская с меня взгляда. И мне вдруг почудилось, что окружающие куда-то исчезли, свет стал приглушеннее, и в зале остались только мы с Уинтширом. Я стояла перед ним с пирогом в руках, он неподвижно сидел в кресле, минуты бежали одна за другой, а между мной и графом кружило что-то странное. Мне каза-

лось, что я чувствую прикосновение к лицу прохладных ладоней. Ощушаю, как они оглаживают шею, спускаются к груди, ласково касаются выступающих над корсетом холмиков, как длинные пальцы обводят контур выреза лифа, задерживаются на ложбинке... Все это было таким явственным! И в то же время я понимала, что это мираж. Магия. Или нет?

– Вам не нравится мое приношение? – громко спросила у графа, разрывая путы странного видения и возвращаясь в реальность. Однако призрачные прикосновения никуда не исчезли. Я чувствовала их все так же отчетливо.

Стоящие вокруг люди, услышав мой вопрос, встревоженно зашушукались. Госпожа Варсон, застывшая неподалеку, неодобрительно поджала губы.

– Ты не поклонилась.

Голос Уинтшира звучал спокойно, почти равнодушно, но глаза смотрели цепко, словно он оценивал противника на поле боя. И меня охватило возмущение. Святые небеса! Мало того, что этот нахал касается меня против моей воли, так он еще и поклона требует! Но ведь и не поклониться нельзя. То, что позволено леди Монт, не подобает госпоже Эйден, и мое нежелание склонить голову перед Уинтширом может быть расценено как неуважение. А там и до наказания недалеко.

Эти мысли пронеслись мгновенно, а уже в следующую секунду я оставила блюдо с пирогом на одной руке, а второй прихватила край юбки и присела в коротком реверансе. Вроде и поклон, да не совсем.

«Вот тебе! И только попробуй что-нибудь возразить!» — злорадно подумала про себя, наблюдая, как вспыхнули синие глаза. И в тот момент я не думала ни о своих былых намерениях не выделяться из толпы, ни о том, что могу вызвать ненужный интерес хозяина графства.

Уинтшир ничего не сказал. Он молча принял мое подношение, тут же передал его стоящему рядом с «троном» горбатому старику и едва заметно кивнул глашатаю. Тот подтолкнул вперед Мэри. Я остановилась, собираясь проследить, чтобы никто не обидел мою служанку, но один из охранников настойчиво указал на выход, и мне пришлось уйти.

Оставшийся вечер прошел почти как обычно. Я поужинала, Мэри с Ру затеяли тихую перепалку, но сегодня мне даже разнимать их не хотелось. Все мои мысли были заняты графом. Я раз за разом прокручивала в голове недавнюю сцену, и моя задетая гордость никак не могла успокоиться. Наверное, впервые со времени своего развода я сполна ощутила, что значит быть простой мещанкой. Граф показал мне это, заставил понять. Не было больше леди Александры Монт. Ее теперь просто не существовало. А ведь я все еще продолжала ощущать свою принадлежность к высшему обществу. Нет, умом понимала, что развод уничтожил мое прошлое и мое

будущее, но глубоко внутри не верила этому. И вот сегодня иллюзии оказались развеяны окончательно. «Ты не поклонилась». А невидимые прикосновения? Граф касался меня так, словно был в своем праве. Словно мог походя огладить меня, как племенную кобылу.

Я невесело усмехнулась. Вот они, новые реалии моей жизни. Любой из тех, кто обладает властью, может потребовать поклона, или наказать за неповиновение, или приказать. Святые небеса! Урок оказался болезненным.

«Успокойся, Сэнди. Хватит думать о том, что было, и о надуманных страхах. Лучше займись делом».

Я решительно встала и окинула взглядом гостиную.

– Мэри!

– Да, госпожа Эйден?

Служанка в считанные секунды оказалась рядом.

– Помоги мне сдвинуть кресла к стене, – попросила я ее. –

Нужно освободить середину комнаты.

– Я тожею могу помочь, – подала голос застывшая в дверном проеме Ру.

– Хорошо. Беремся за кресло, и двигаем его вон туда.

Я указала нужное место, и работа закипела. И уже спустя полчаса гостиная стала выглядеть гораздо просторнее.

– А теперь вы обе должны пообещать, что никому не расскажете о том, что увидите, – обратилась я к служанкам.

– Беру в свидетели Лею, что никому не скажу, – серьезно произнесла Мэри, и на ее миловидном личике появилось за-

бавно-серьезное выражение.

– Клянусь пресветлым Мефором, что не стануй болтать, – в тон горничной заявила Ру.

Я кивнула. А потом подошла к свободной стене, положила на нее правую ладонь и попыталась настроиться на душу дома. Пару минут ничего не происходило. Но потом перед глазами мелькнула серая хмарь, а когда она развеялась, я увидела гостиную, только выглядела она, как изнаночная сторона ткани: вроде, узор тот же, но цвета приглушеннее, да и четкости нет. «Астано верос», – безмолвно произнесла я, и видение изменилось, подернулось рябью, потемнело, на глазах приобретая объем.

Я не впервые использовала слова старого заклинания, которому научил меня отец, но все равно каждый раз испытывала волнение. Откликнется ли дух дома? Захочет ли помочь? Хватит ли у меня сил, чтобы выстроить связь?

– Снова ты? – раздался у меня в голове шелестящий голос. – Зачем разбудила?

Откликнулся. Хороший знак. Если дом поддался заклинанию, значит, с ним можно найти общий язык.

– Мне необходима помощь, – тихо произнесла в ответ.

– Вот так и знал, что покою от тебя не будет, – вздохнул дух. – Как увидел, так сразу понял, что не уймешься, пока своего не добьешься. Чего хочешь-то?

– Нужно расширить пространство и изменить стены.

– Зачем это? – подозрительно спросил дух дома.

– Собираюсь устроить на первом этаже ателье.

– Еще чего удумала! – возмутился дух. – Не бывать этому! Чтобы из Бузинного коттеджа проходной двор сделали? Нет. Даже не рассчитывай.

Изнанка гостиной подернулась серым туманом и стала таить.

– Подожди! – взмолилась я. – Ты ведь не хочешь, чтобы коттедж пустовал?

– Так он и не пустует, – после долгой паузы проворчал дух. – Ты вон тут теперь живешь. И целый выводок за собой привела.

– Это ненадолго. Через несколько месяцев у меня закончатся деньги, и я должна буду съехать. И вряд ли кто-то захочет снять коттедж в межсезонье. Так и останешься в одиночестве.

– Почему ты знаешь, может, найдется наниматель. Да лучше тебя, – не сдавался дух.

– И он тоже будет с тобой разговаривать? Сомневаюсь. Лучше помоги мне, и в Бузинном коттедже снова закипит жизнь, а ты сможешь получать живительные эмоции.

Я знала, что каждый дом, в который при основании заложили искру, нуждается в подпитке. И если он долго ее не получает, то дух дома постепенно слабеет и засыпает. И разбудить его бывает очень сложно. Папа говорил, что нужно обладать большой силой, чтобы вернуть уснувшего духа к жизни.

– Значит, собираешься шить платья? – в бестелесном голосе слышалось раздумье. – И в дом начнут шастать всякие визгливые дамочки?

– Почему же визгливые? Наш Модный дом будет обслуживать только самых лучших клиентов.

– Как ты сказала? Модный дом? – переспросил дух. – Хм-м, ладно. Давай попробуем. Но если мне не понравится, так и знай, я терпеть не стану. Сразу все сверну.

– Тебе понравится, – уверенно сказала в ответ. – Вот увидишь, Бужинный коттедж скоро станет известен во всем графстве.

Дух недоверчиво вздохнул, но ничего не сказал.

– Так что, поможешь?

– Куда ж от тебя денешься? Говори свое заклинание, – проворчал дух.

Я плотнее закрыла глаза, сосредоточилась, черпая из источника всю силу, какая там была, и тихо прошептала заклинание. Активирующий жест – и стены медленно раздвинулись, расширяя комнату. Миг – и они изменились, получив мраморные вставки и лепнину на потолке, а люстра засияла тонкими хрустальными подвесками. Но не успела я порадоваться переменам, как в глазах потемнело, и пол куда-то поплыл из-под ног.

– Госпожа Александра!

Пронзительный голос Мэри мелькнул на краю сознания, а в следующий миг я ощутила крепкие руки Руанны, поддер-

живающие меня за талию, и оказалась в одном из кресел.

– Вот уж негожей это, без сил колдовать, – ворчала Ру, растирая мои ладони. – Цельный вечер на ногах, разве можной так?

Она с укором посмотрела на меня, но я разглядела в зеленых глазах сочувствие и тревогу, и на сердце стало теплее.

– Спасибо, Ру.

Я улыбнулась кухарке, и в этот момент с кухни донесся оглушительный грохот.

– Это еще что?

– Попался!

На лице Ру появилось кровожадное выражение, и грошчанка потеряла руки.

– Сейчас узнаем, ктой еду ворует, – заявила она и кинулась к двери.

Мэри припустила за ней, и мне не оставалось ничего другого, как пойти следом.

С каждым шагом, приближающим меня к кухне, грохот становился все сильнее. А когда я спустилась вниз и оказалась в полутемном помещении, то в первый момент застыла от неожиданности. На полу валялся лоток с наполовину съеденным мясным рулетом, между разделочным столом и буфетом металось странное, похожее на огромный ком шерсти, существо, а за ним волочились привязанные на веревку металлические кружки и ложки. Именно они издавали тот самый грохот, что привел нас всех на кухню, и при каждом

движении воришки звенели так, что уши закладывало.

– А ну, стой! – выкрикнула Ру и попыталась поймать зверька, но тот проскочил мимо нее и припустил к печке. – Ишь ты, чегой удумал! Добро хозяйское воровать! Я чтой, для тебя полночи рулет готовила? Куда?!

Кухарка кинулась к воришке, тот на миг замер, а потом рванул к черному ходу.

– Мэри, держи его, чегой стоишь? – не унималась Ру. – Уйдет ведь, ворюгай!

Служанка растопырила руки и закрыла собой дверь, звек заматался, кружки оглушительно зазвенели, веревка запуталась вокруг лап, и грохочущий клубок покатился прямо мне под ноги. Звон, лязг, тонкое поскуливание, ворчание Ру, выкрики Мэри – вся эта «какофония» сбивала с толку, и я едва успела наклониться и подхватить повизгивающего зверька. А тот прижался ко мне, поблескивая из под длинной густой шерсти глазками-бусинками, и странно затих.

– Вот же негодник! – проворчала Ру, разглядывая «преступника». – Понял, к кому бежать.

– Госпожа Александра, а он вас не укусит? – встревоженно спросила Мэри. – Что это за зверь такой? Ру, ты знаешь?

– Да кто ж егой разберет? – отозвалась кухарка и пожала плечами. – То ли собака, то ли хентарь какой.

Ру с сомнением посмотрела на зверька и нахмурилась.

– Никогда таких не видалай, – пробормотала она, а я глядела на огромный ком шерсти, смиренно сидящий у меня на

руках, и понимала, что не могу сердиться на воришку. Подумаешь, рулет съел!

Понять бы еще, что это за зверь такой. По виду он больше походил на собаку, но только какую-то необычную: черная шерсть свисала длинными неопрятными прядями, маленькие острые ушки стояли торчком, а блестящие круглые глаза и влажный нос почти сливались с общей чернотой, если бы не смешные желтые полосы, окаймляющие слегка вытянутую мордочку.

– И что с ним теперь делать? – спросила Мэри.

Зверек, словно сообразив, что говорят о нем, уставился в глаза умоляющим взглядом. А мне вдруг показалось, что в воздухе повеяло холодом, как бывало всегда, когда поблизости кто-то занимался волшебной.

– А чегой тут думать? Выгнать егой, да и все, – сказала Руи сердито зыркнула на зверька. – Только унести подальшей, чтобы этот обжора не вернулся.

Зверь возмущенно тявкнул и прижался ко мне еще сильнее. А я поняла, что не могу выкинуть его на улицу. Вспомнилась Рилли, оставшаяся в доме на Лейрен-сквер, ее умная морда и понимающий взгляд, и в горле появился комок. Конечно, это непонятное существо не заменит мне мою красавицу-колли, но я не смогу просто взять и выкинуть его на улицу. «Если к дому прибилась кошка – это к счастью, а если собака – к благим переменам», – вспомнились мне слова старой нянюшки Дролл. И я решилась.

– Пусть остается, – слова почти сами собой слетели с губ. – Будет, кому нас охранять. Только нужно привести его в порядок: вымыть, высушить, вычесать. И снимите с него уже эту грохочущую веревку.

– Вы увереный, что он дом не разнесет? – нахмурившись, спросила Ру и принялась распутывать свою «сигналку».

– Думаю, он будет вести себя хорошо, да, малыш? – я посмотрела в умные темные глаза и неожиданно почувствовала идущую от зверька теплую волну. – Мэри, неси корыто. Ру, подогрей воды. Попробуем привести нашего нового жильца в порядок.

Этим мы и занялись. И уже спустя полчаса чистый и вычесанный зверек чинно восседал рядом с моим креслом в гостиной, с интересом наблюдая за тем, как я рисую набросок вывески Модного дома.

Редклиф Бенси

Он задумчиво смотрел на окна дома напротив. Было что-то умиротворяющее в льющемся из них теплом желтом свете. Представлялась склонившаяся над пальцами женщина, уютная тишина небольшой гостиной, треск горящих свечей. Редклиф усмехнулся. Вряд ли Александра Эйден будет корпеть над вышивкой. С таким характером впору каким-нибудь мужским делом заниматься. Магографией или ездой на магомобиле. Или чем там сейчас в столицах увлекаются?

Он разглядывал соседний коттедж, а в душе зрело сомнение. Дом изменился. Стал выглядеть иначе. Бужинный коттедж и раньше принимал постояльцев, но почему-то сейчас впервые выглядел так, словно у него появился хозяин. Хотя, скорее уж, хозяйка.

Хозяйка... Редклиф потерял переносицу и нахмурился. Перед глазами мелькнуло видение склоненной в реверансе фигуры, и душу снова окатило предвкушением. С тех пор, как он увидел Александру Эйден, его не покидало странное предчувствие. Казалось, эта женщина сыграет какую-то роль если не в его судьбе, то в судьбе графства точно. Он и сам не знал, откуда взялось это убеждение. И почему оно помешало ему сосредоточиться на деле.

Грасс! Уже второй раз он теряет контроль при встрече с приезжей женщиной. В первый упустил след гверха, а вчера

не сумел понять, чью оболочку использовал донный. Досадная оплошность. Раньше с ним такого не случалось. А ведь чувствовал, гверх где-то рядом. В Кранчестере, в толпе хмурых горожан, пришедших на карст. Когда донный сливался с телесной оболочкой носителя, разглядеть его было сложно, и удавалось это далеко не каждому Черному лорду. Его отец, например, так и не овладел этим искусством. А вот дед делал это с легкостью. И Редклифа сумел обучить.

Он снова потер переносицу и отвернулся от окна. Нужно перестать думать об этой Эйден. И перестать вспоминать соблазнительный изгиб ее бедер. И тонкую талию. И гордую посадку головы. И твердый взгляд дымчатых глаз. И непокорный огонь, горящий в их глубине... «Может, вы его возьмете?» Смелая. Видимо, жизнь еще не учила. Не понимает, что нельзя задирать того, кто сильнее. И все же, ему скорее понравилась ее непокорность. Грасс знает, зачем он потребовал от Александры Эйден ритуальный поклон? Никогда не любил эту старую традицию, да и карст устроил лишь для того, чтобы поймать гверха. А тут как под руку кто толкнул. Захотелось понять, что за птица в их края залетела. Почувствовать, чем дышит. Что ж, почувствовал. Да так, что до сих пор забыть не может. А это странное ощущение, будто она касается его лица своими тонкими пальчиками? Что это было? Какая-то магия?

– Генри! – активировав голософон, сказал Редклиф. – Сильвия еще в замке?

– Да, милорд, – невозмутимо ответил дворецкий.

– Скажи ей, что я скоро буду.

– Слушаюсь, милорд. Что-то еще, милорд?

– Достань из подвала бутылочку Пено. И вели приготовить на ужин отбивную с кровью.

– Будет сделано, милорд.

Редклиф отключил голософон, задернул занавеску и вскоре вышел из дома.

Александра Эйден

Дела по созданию Модного дома шли полным ходом. Госпожа Линдси согласилась на мое предложение, и мы с ней подписали договор. Благодаря помощи духа дома, мне удалось изменить пространство первого этажа, а в мастерской господина Крули уже изготовили стол для раскроя, несколько витрин для тканей и пять манекенов. Оставалось еще оборудовать примерочную, украсить холл подходящими картинами и повесить вывеску. Но для этого мне нужно было наведаться в главный город графства, что я и собиралась сделать.

— Госпожа Александра, а вы прямо в сам Уинтшир поедете?

Мэри раскраснелась от возбуждения и то забежала вперед, то останавливалась, чтобы дожидаться меня и задать очередной вопрос.

— Да, в Уинтшир.

Я потянула на себя вокзальную дверь и направилась к кассам.

— На целый день? — не унималась служанка.

— Поезд до Кранчестера отправится в восемь вечера, так что вернуться не раньше десяти.

— А как же вы одна? Может, мне с вами поехать?

— По-твоему, я нуждаюсь в няньке?

– Нет, что вы, просто я подумала, что...

Служанка не договорила и вздохнула. Я знала, о чем она подумала, но не могла ее взять. Денег оставалось в обрез, а два билета туда и обратно стоили недешево, да и еда в большом городе обойдется не меньше двух дьертгов. Так что, как ни хотелось мне взять Мэри с собой, от этой идеи пришлось отказаться.

– В Уинтшир я тебя не возьму, но после обеда можешь быть свободна.

– Вы даете мне выходной? – удивилась Мэри.

– Что-то вроде того. Проведи время с пользой, сходи куда-нибудь.

– Спасибо, миледи, – обрадовалась служанка и тут же исправилась: – То есть, госпожа Александра.

Я взяла билет, поправила шляпку и посмотрела на Мэри.

– Все, иди домой. Дальше я сама.

– Так я и до вагона могу проводить. Посмотрю, чтобы все хорошо было, удостоверюсь, – не сдавалась Мэри.

Я только усмехнулась и пошла к выходу на перрон. Поезда были слабостью моей служанки. Из Вердофа до Кранчестера мы добирались с тремя пересадками, и Мэри радовалась этому, как ребенок. Да она и была ребенком. Что такое четырнадцать лет? В Эрилии детство у простолюдинов заканчивалось рано, кто-то начинал работать в десять, кто-то – в двенадцать. Мэри появилась на Лейрен-сквер, когда ей было тринадцать, а до этого она помогала тетке в швейной мастер-

ской, получая полдьерта в неделю. Так что должность младшей горничной в особняке казалась ей настоящей удачей. А уж когда я предложила девочке стать моей личной служанкой, то она и вовсе была вне себя от счастья. Еще бы! Глупышке казалось, что теперь она утрет нос старшей горничной Доре, которая постоянно учила новенькую уму-разуму.

Какая-то женщина торопливо прошла мимо, задев меня локтем, и я невольно проводила ее взглядом. Светлые волосы, симпатичное, но какое-то напряженное лицо, недорогое серое платье. Скорее всего, прислуга или чья-то работница. Незнакомка села в красный вагон, в котором ехали пассажиры третьего класса, а я подошла к синему.

– Хорошего пути, госпожа Александра, – сверкая глазами, напутствовала меня Мэри.

Я опустилась на жесткое сиденье, кивнула служанке и закрыла дверь купе. Спустя минуту поезд тронулся. За окном поплыли лица провожающих, здание вокзала, грустная статуя богини Леи, пара старых лип. Колеса стучали все быстрее, за стеклом замелькали зеленые холмы и кранчестерский лес, пол под ногами подрагивал, а в воздухе застыл горьковатый запах дыма.

Я откинулась на твердую спинку дивана и закрыла глаза. В голове мелькали обрывки недавних событий, правда, я старалась на них не останавливаться. За последние пару месяцев научилась этому искусству. Мысли перешли к предстоящим покупкам, но не успела я прикинуть, куда пойти в

первую очередь, как в памяти неожиданно всплыло суровое лицо с ледяными синими глазами. Святые небеса! Да что ж у меня этот граф никак из ума не идет? Почему я все время о нем думаю? И откуда это странное, сжимающее сердце, предчувствие? Каждый раз, когда вижу Уинтшира или вспоминаю о нем, мне кажется, что однажды он доставит мне неприятности. Не знаю, откуда взялось это убеждение. То ли зловещий облик графа виноват, то ли впечатление от нашей первой встречи.

Хотя, глупо плакать над не пролитым молоком, как любила говорить няня Дролл. И верить плохим предчувствиям. Лучше поразмыслить о том, как выгодно продать мамино кольцо – единственную дорогую вещь, которую я смогла забрать из дома мужа. Бывшего мужа. Вспомнились лисьи глаза компаньона Лейбена, составлявшего опись всех моих драгоценностей, жадные толстые пальцы, перебирающие сверкающие ожерелья и колье, попытки стряпчего внести в список доставшееся мне от мамы кольцо с бриллиантом, и собственные усилия отстоять единственную дорогую мне вещь. Хорошо, что полковник Бартен был в тот момент в доме и подтвердил, что кольцо принадлежало мне до замужества. Лейбен отстал, а я получила еще один повод ненавидеть Берти. Впрочем, лучше о нем не вспоминать.

Я достала из сумочки вырезанный из газеты адрес ломбарда и снова вчиталась в короткие строки рекламы. «Выгодный обмен, продажа и покупка драгоценностей». Инте-

ресно, выгодный кому? Владельцам?

Я тихо хмыкнула и раскрыла записную книжку, в которую вносила заметки по Модному дому. Итак, что мне нужно? Договориться с поставщиками тканей о скидке. Заказать вывеску и заглянуть в типографию, чтобы дать объявление в «Уинтширский вестник». А еще надо выписать модные журналы из Вердофа и зайти в местные ателье, посмотреть, как они работают.

Я так глубоко задумалась, что не заметила, как пролетели полтора часа пути. И очнулась только в тот момент, когда услышала хриплый голос.

– Уинтшир! Прибываем через две минуты.

Усатый кондуктор приоткрыл дверь купе и повторил:

– Уинтшир, ари! Конечная. Прибытие через две минуты.

Я кивнула, а кондуктор окинул меня равнодушным взглядом и со стуком захлопнул дверцу.

– Уинтшир! Две минуты... – неслоь по вагону.

Вскоре поезд миновал предместья, и за окном поплыли дома и сады главного города графства. Серый камень ограждений, высокие особняки, изящная башня с часами, белое здание вокзала. Я дождалась, пока картинка за окном остановится, подхватила сумочку и сошла на перрон.

В отличие от Кранчестера, здесь было многолюдно. Пассажиры прибывающих поездов, носильщики с вещами, скрип тележек, толкотня и многоголосый шум – все это напоминало Вердоф, с его вечной спешкой и суетой. Сердце тоскли-

во сжалось. Вряд ли я когда-нибудь вернусь в столицу. Разве что случится чудо, и время повернет вспять.

Вот уж права была матушка, когда говорила, что плохие мысли как комары: сгонишь с одного места – ужалят в другое.

Я вскинула голову и заставила себя не думать о прошлом. Все хорошо. У меня теперь новая жизнь.

«Выше нос, Сэнди! – сказала себе и сразу вспомнила папу. Он один называл меня моим детским именем, тогда как мама и тетя Мейбл предпочитали взрослое Алекс. – Иди и выбей из местных дельцов скидку. У тебя все получится!»

Улыбнувшись краешками губ, сжала ремешок сумки и решительно направилась к выходу в город.

Редклиф Бенси

Кранчестер, Уитби, Бейквилл, Вир, Лоунхем – Редклиф отмечал на карте города, в которых успел побывать с карстом, и пытался определить, куда двигаться дальше. Гверх исчез. Ни следов, ни зацепок. Словно растворился в воздухе.

Редклиф устало потер переносицу, потянулся к бокалу, но тут же опустил руку. Любимое кальво не радовало. Ничто не радовало. В душе ворочалась тревога, и он никак не мог ее умирить. Мало того, что гверх пропал, так еще и Уилфрид передал ходящие при дворе слухи, что Руфус Блэк собирается посетить Уинтшир. Это был плохой знак. Редклиф знал, что глава тайной канцелярии давно собирает на него компромат. Еще с того проклятого суда. Тогда, десять лет назад, Редклифу удалось выкрутиться, и дело закрыли за недостатком улик. Но Блэк не смирился. Не поверил в случайную гибель несчастных парней. А Редклиф не мог рассказать правду. Да и кто бы в нее поверил? Скорее, его объявили бы сумасшедшим, и отправили в лечебницу. «Гверхи? Вы собираетесь пересказывать мне эти сказки? – словно наяву услышал он насмешливый голос короля. – Бенси, не пытайтесь запугать меня баснями о пожирателях душ, как это делал ваш отец, я все равно не поверю».

Что ж, это был первый и единственный раз, когда он, новый граф Уинтшир, прибыл ко дворцу, чтобы представить-

ся и доложить о том, что готов заменить умершего отца на посту Черного лорда. Король попросту над ним посмеялся. И посоветовал повзрослеть и перестать верить нянюшкиным сказкам. «Ох уж эта провинция, – обращаясь к присутствующему при разговоре Руфусу Блэку, сказал Эдуард. – Как же там любят глупые суеверия».

Редклиф тогда сдержался, но в тот же день, не оставшись на Осенний бал, уехал. И с тех пор больше не показывался в столице.

«Не пытайся открыть людям глаза на то, чего они не хотят видеть», – вспомнились ему наставления деда. Старик был прав. Кто сейчас в здравом уме поверит в существование нечисти? Кому нужны древние сказки про обитателей Дна?

«Запомните, Бенси, хоть вы и выкрутились на этот раз, но вам не удалось меня одурачить, – всплыл в голове скрипучий голос Блэка. – Кто угодно может поверить в вашу невиновность, но я-то знаю, что это вы убили ни в чем не повинных людей. И однажды я сумею засадить вас за решетку, где вам самое место».

Редклиф поморщился. Проклятый Блэк! Чего ему в столице не сидится? Что он надеется найти в Уинтшире? Неужели снова попытается поднять то старое дело? Впрочем, неважно. Что бы ни задумал Руфус, у него ничего не выйдет. Редклиф не допустит, чтобы старик снова перебаламутил все графство. Хватит и прошлого раза.

Он снова вернулся мыслями к гверху. Куда мог податься

донный? Где затаился? Редклиф знал, как опасны гверхи, сумевшие внедриться в тело носителя. Для того, чтобы поддерживать жизнь, им нужна свежая кровь, а это означало, что сейчас, когда один из донных разгуливает по графству, всем его жителям грозит опасность. И он, Черный лорд и хозяин Холмистого края, до сих пор не сумел отследить этого проклятого гверха. И не может защитить своих людей. Грасс!

Редклиф ударил кулаком по стене и пораженно замер. Наверное, впервые в жизни он потерял самообладание. Он смотрел на собственный кулак и не мог поверить, что настолько вышел из себя.

– Никуда не годится, – произнес сквозь зубы и сделал длинный вдох. Потом задержал дыхание и сделал такой же длинный выдох. И еще раз – вдох, задержка и длинный выдох.

Эмоции утихли. Привычная техника сработала.

Редклиф, прищурившись, посмотрел на карту, подумал немного и коснулся ногтем крупного кружка. Уинтшир. Если гверх не дурак, то поймет, что затеряться легче всего в большом городе. Практически у него под носом. А это значит, что искать нужно здесь. Больше нигде.

Короткий всполох голософона заставил его отвлечься от раздумий.

– Что, Оуэн?

– Милорд, Уилфрид подтвердил, что через неделю или две Руфус Блэк будет в Уинтшире, – сказал стряпчий, и Редклиф

почувствовал, как сердце сжала ледяная рука.

Как не вовремя! И как все совпало – появление гверха и намечающаяся проверка. Тогда у него тем более нет времени ждать.

Он сунул за пояс нож, рассовал по карманам экранирующие амулеты и быстро вышел из кабинета.

Александра Эйден

Ноги гудели от усталости. Денек выдался непростым. Я с облегчением опустилась на лавочку в парке и вытерла платком вспотевший лоб. Солнце садилось, жара потихоньку спадала, но в воздухе стояла духота, и я решила хоть немного передохнуть. Парк, больше напоминающий лес, находился совсем недалеко от вокзала, до отправления поезда оставалось целых полтора часа, и лучше уж было провести их здесь, в тени деревьев, чем мучиться в душной суе перрона.

Я пересела в тень, под низкие ветки липы, и вытянула уставшие ноги. По спине потянуло холодком. Глаза закрывались от усталости, и я опустила веки, наслаждаясь идущей от земли прохладой, и размышляя о том, как прошел день. Несмотря ни на что, поездка оказалась удачной. У меня получилось выгодно заложить кольцо, договориться о поставках тканей, заказать вывеску и рекламу, и даже выбить на нее скидку. И к конкурентам заглянуть тоже успела. И поняла, что если все получится, то им недолго быть моими конкурентами. Слишком старомодные ткани и фасоны они использовали, слишком скромно выглядели их заведения, и слишком неприветливы оказались служащие в них девушки.

Нет, у меня все будет иначе. Я уже видела красивый салон, в котором каждая аристократка сможет найти одежду по душе, вежливых девушек, разносящих кофе и сладости, манекены,

одетые в красивые платья, подиум для показов...

Странный звук, похожий то ли на стон, то ли на хриплый вскрик, заставил вынырнуть из мечтаний и оглянуться. А увиденное пригвоздило меня к месту. Оно словно отпечата-лось внутри.

Я смотрела на истекающую кровью белокурую женщину – ту самую, что встретила меня на вокзале в Кранчестере, на мужчину, вытаскивающего из ее тела нож, на его безумные ледяные глаза, с ненавистью глядящие на жертву, и не могла пошевелиться. Меня словно парализовало. А потом мужчина поднял голову, наши взгляды встретились, и я опомнилась. Вскочила на ноги и кинулась бежать. Быстро, изо всех сил. Сердце грохотало в груди, кровь стучала в висках, дыхание с шумом вырывалось из перетянутой корсетом груди, но я неслась вперед, к виднеющимся невдалеке воротам. До них оставалось совсем немного. Всего пара левов.

Воздуха не хватало. Я дышала открытым ртом. Пот застилал глаза.

Мимо мелькнула кованная ограда, я уже видела дорогу, ведущую к вокзалу, людей, прогуливающих на другой стороне, тележку мороженщика...

– Арвитаро! – полетело мне вслед заклинание.

Оно ударило в спину, залило все вокруг темнотой, и я, теряя сознание, провалилась в эту тьму.

В себя пришла в какой-то незнакомой комнате. В свете горящих свечей смогла разглядеть серую каменную кладку стен, узкие стрельчатые окна, два стула с высокими спинками, большой сундук с бронзовыми накладками. И старомодную кровать, на которой лежало белое платье. Если уж быть точной – свадебное платье. Я не могла ошибиться. Тонкий шелк, холодный блеск окаймляющих горловину бриллиантов, едва заметные искры магии – такие наряды шили исключительно для невест. Вопрос только в том, зачем здесь эта вещь. И как тут оказалась я? И почему не чувствую собственную магию?

Я поднялась с кресла, на котором сидела, и поморщилась. В висках ломило, как бывало всегда после выброса силы, полплыл из-под ног, и мне, чтобы не упасть, пришлось ухватиться за подлокотник.

– Очнулись? – послышался от двери низкий голос, и я резко обернулась.

Темные волосы, укрывающие плечи черным плащом. Свежий шрам на шее. Ледяные синие глаза, раздевающий взгляд...

– Вы! – я сжала кулаки, глядя на застывшего на пороге графа Уинтшира, и мгновенно вспомнила все, что произошло. – Вы посмели притащить меня...

Я обвела глазами комнату, пытаюсь сообразить, что это за место. Проклятое платье сбило меня с толку, не позволив как следует оглядеться и понять, где я нахожусь. А хищник напротив продолжал смотреть так, словно на мне не было никакой одежды – пристально, не таясь, по-хозяйски.

– Это мой дом, – подсказал граф.

Не отрывая взгляда, он криво усмехнулся и сунул руки в карманы узких брюк. От крупной фигуры веяло угрозой и силой.

– Что вам от меня нужно?

Я старалась не показывать своего страха, но он просачивался в голосе, полз по спине каплями пота, сжимал сердце холодной рукой и накрывал удушливой волной паники. А перед глазами стояло безжизненное женское лицо, расплывающееся на серой ткани платья кровавое пятно, рассыпавшиеся по плечам светлые волосы.

– Всего лишь небольшая мелочь, – ответил Уинтшир, и его красивое лицо исказила неприятная ухмылка.

– Если вы надеетесь меня запугать...

Я сжала кулаки и высоко вскинула голову. «Он не посмеет, – билось внутри. – Он не тронет меня». А сердце колотилось от страха, и дыхание срывалось, словно я пробежала несколько левов.

– Ну что вы. И в мыслях не было, – отмахнулся от моего незаданного вопроса граф.

– Тогда что вам нужно? Мое молчание?

– Как раз наоборот. Мне необходимо, чтобы вы кое-что сказали.

В синих глазах блеснул лед, и я почувствовала, как трудно стало дышать.

– Одно единственное слово, госпожа Эйден, – вкрадчиво произнес Уинтшир и шагнул вперед.

– Не подходите, – я выставила вперед руки. – Иначе я позову на помощь.

– На помощь? – В синих глазах мелькнула насмешка. – Интересно, кого?

– Хотите сказать, здесь нет слуг?

– Хотите сказать, что мои слуги посмеют ослушаться моего приказа?

Граф так явно выделил голосом это «мои», что сразу стало понятно, что надеяться на помощь не стоит.

– Ну же, госпожа Эйден, не надо бояться, – Уинтшир говорил спокойно, но у меня от его тона мороз по коже шел. – От вас требуется сказать всего лишь одно слово.

– И какое же?

– «Да». Простое, короткое «да», – идеальные губы раздвинулись в едва заметной усмешке, но уже в следующую секунду она исчезла, и граф серьезно продолжил: – В ответ на вопрос, который вам зададут.

Святые небеса, этот мужчина точно сумасшедший...

– Почему вы убили ту женщину?

Я вглядывалась в невозмутимое лицо, пытаюсь не столько

услышать ответ, сколько уловить его прежде, чем граф откроет рот.

– Это была простая необходимость, – буднично сказал Уинтшир.

– Необходимость?

Меня поразило, насколько равнодушно он отреагировал на мой вопрос. Прошло совсем немного времени с тех пор, как граф всадил нож в неизвестную женщину, но, похоже, у него это событие не вызывало никаких эмоций.

– Поверьте, Александра, вам не нужно об этом думать, – тон графа стал заметно холоднее, да и глаза заледенели.

– Вы так и не сказали, зачем я здесь.

– Я собираюсь на вас жениться.

– Что?

Я растерянно смотрела на графа, не понимая до конца, что он сказал. Его слова казались мне каким-то фарсом. Я даже о страхе забыла, настолько нелепо прозвучала из уст Уинтшира последняя фраза.

– Вас это удивляет? – равнодушно спросил граф.

Я не отвечала, пытаюсь сопоставить произошедшее в парке с тем, что происходило сейчас, но не могла понять, что за представление устроил Уинтшир.

– Зачем вам это? – сорвался с моих губ невольный вопрос.

– А если я скажу, что оказался сражен вашей красотой и воспылал к вам неистовой страстью? – словно не услышав моих слов, спросил граф, и только чуткое ухо смогло бы уло-

вить в его словах иронию.

Уинтшир криво улыбнулся, оторвался от стены и посмотрел на меня с большим интересом, чем до этого.

– Не говорите глупостей, – отмахнулась я от его насмешливых слов и сжала руки. – Лучше скажите правду. Что вы задумали?

– Все просто, госпожа Эйден. Вы увидели то, чего не должны были видеть, – жестко отчеканил граф, и его лицо заледенело. – И я собираюсь обеспечить себе ваше молчание.

– Но я и так никому ничего не скажу!

– Разумеется, – кивнул Уинтшир, не сводя с меня хищного взгляда. – У вас просто не будет такой возможности. Как моя супруга, вы не сможете свидетельствовать против меня в суде.

В суде? Уинтшир думает, что я могу на него донести и его казнят?

Что ж, в этом был резон. Законы Эрили сурово карали убийц, и никакие титулы не могли позволить преступнику избежать наказания. Это пошло еще со времен Великой войны. В обескровленном после нее королевстве стали высоко ценить человеческую жизнь, и любой, кто поднимал руку на соплеменника, подлежал осуждению.

По спине пробежал озноб, и я поежилась. Присутствие Уинтшира вызывало все усиливающийся холод и ощущение нарастающей опасности. Мне хотелось бежать и из этой комнаты, и от стоящего напротив мужчины, и даже из графства.

Свечи тихо потрескивали в настенных канделябрах, в окна хмуро заглядывала луна, от стен ощутимо тянуло сыростью. И мне вдруг показалось, что это сырость могильного склепа. Что помешает графу убить меня так же, как он убил ту незнакомку? И зачем ему этот фарс с женитьбой? Что за ним кроется? Только ли желание избежать наказания?

– Вы удивительная женщина, – прочитав что-то по моим глазам, усмехнулся Уинтшир и добавил: – Думаю, наш брак точно не будет скучным.

– Вы так уверены, что я соглашусь?

– А что еще вам остается?

– Не боитесь? А если я уже замужем?

– Но вы не замужем, – пренебрежительно отмахнулся от моих доводов Уинтшир.

– Хуже. Я разведена.

Я посмотрела в ледяные глаза и спросила:

– Вы все еще собираетесь на мне жениться?

– Разумеется, – спокойно произнес граф, и только едва заметная пауза перед ответом дала понять, что мои слова застали его врасплох.

– Уверены? Вы, граф Уинтшир, хотите взять в жены разведенную женщину?

– Я не намерен это обсуждать. Одевайтесь.

Граф небрежно указал на белое платье.

– Может, вы уже прекратите нелепый фарс, и выпустите меня? Я могу поклясться, что никому не скажу об увиден-

НОМ.

– Одевайтесь, – не услышал меня граф и в одно мгновение оказался рядом. – У меня нет времени на женские капризы.

Святые небеса! Я так старалась начать новую жизнь, даже собственное дело почти открыла, а теперь какой-то мужчина будет говорить мне, что делать? Мне не нужен этот брак. Мне вообще не нужны никакие отношения. Хватит и тех, что были. Оказаться женой убийцы, делить с ним постель...

– Вы не имеете права меня удерживать, – вскинув голову, твердо сказала Уинтширу.

Пользоваться магией не рискнула – какой смысл сражаться с графом его же оружием? Мой дар слишком мал, чтобы причинить вред потомку старой аристократии, да и выдавать себя не хотелось. Кто знает, как повернется жизнь? Лучше иметь пару припрятанных тузов в рукаве. На всякий случай.

– Я не выйду за вас замуж.

Я сказала это, глядя в вызывающе холодные глаза.

– Понятно, – после короткой паузы произнес граф и равнодушно добавил: – Значит, обойдемся без свадебного платья. Пресветлый! – позвал Уинтшир. – Зайдите.

Дверь неслышно отворилась, и в комнату вошел служитель Леи. Невысокий, сухонький, с редкими пегими волосами, постриженными традиционным полукругом. Богато украшенное облачение плохо сидело на его худой фигуре, как будто было сшито на другого, более полного человека.

– Начинайте, – без предисловий заявил граф, а я попыта-

лась возразить, но поняла, что не могу сказать ни слова. И сдвинуться с места тоже не могу.

Пресветлый открыл машдор, в котором содержались все последования церковных обрядов, и сходу зачастил:

– Мы собрались здесь, чтобы сочетать узами брака этого мужчину и эту женщину...

– Покороче, – прервал его Уинтшир, не обращая внимания на мой ненавидящий взгляд. – Переходите к самому главному.

Служитель запнулся, опустил глаза и быстрым речитативом продолжил:

– Согласен ли ты, Редклиф Бенси, взять в жены Александру Эйден, любить и уважать ее и заботиться о ней до конца своих дней, пока смерть не разлучит вас?

– Да, – твердо ответил граф.

– А ты, Александра Эйден, согласна ли взять в мужа Редклифа Бенси, любить и уважать его, заботиться о нем, пока смерть не разлучит вас?

Пресветлый посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло опасение.

– Говорите, госпожа Эйден, – разрешил граф, и я громко выпалила:

– Нет.

– Нет? – растерянно переспросил служитель.

– Не обращайтесь внимания, невеста слишком переволновалась, – в голосе графа зазвучал металл, моя рука оказалась

в тисках ледяной ладони, а я снова лишилась голоса. – Заканчивайте обряд, пресветлый.

– Но...

– Я сказал, заканчивайте, – с напором произнес Уинтшир.

– Обменяйтесь кольцами, – неуверенно произнес пресветлый.

Граф достал из кармана два старинных серебряных кольца и надел одно из них мне на палец. А второе вскоре оказалось на его руке.

– Объявляю вас мужем и женой, – торопливо договорил священник и с громким стуком захлопнул машдор. – Можете обменяться поцелуем.

– Это лишнее, – усмехнулся граф и, не обращая внимания на мое безмолвное возмущение, подхватил пресветлого под локоть и повел прочь.

Дверь тихо щелкнула, и я осталась одна. К глазам подступили слезы. Проклятый граф! Проклятые правила. Проклятый мир, где женщина – всего лишь вещь, не имеющая права голоса. Мир, в котором все решают мужчины. Альберт захотел – и выкинул меня из своей жизни. Уинтшир решил себя обезопасить – и устроил этот нелепый брак. И как бы я не доказывала, что таинство недействительно, запись в церковной книге будет утверждать обратное. По всем законам Эрилии я теперь жена графа.

Святые небеса! Я прислонилась лбом к холодной стене и закрыла глаза, пытаюсь успокоиться и обдумать, что делать.

Но в душе бурлила ярость, и мне никак не удавалось взять себя в руки.

Время шло, мысли, одна другой горше, терзали ум, но в какой-то момент я почувствовала, что тишина комнаты изменилась. Она стала другой – живой, настороженной, словно кто-то разглядывал меня из темных углов.

– Кто здесь?

Голос звучал хрипло, но я хотя бы снова могла говорить.

В ответ не донеслось ни звука.

Я прошла к двери и коснулась ручки. Как ни странно, та легко повернулась, открывая выход в коридор. Это что же, граф не озаботился меня запереть? А впрочем, зачем? Главное, что я не смогу на него донести, а все остальное, похоже, для его сиятельства не имеет значения. И никакая жена ему не нужна, это тоже очевидно.

Я миновала коридор, вышла к широкой, устланной красивым ковром лестнице, и осторожно спустилась вниз, в холл. А там, никого не встретив, дошла до двери, распахнула ее и оказалась в теплой темноте ночи.

Луна ярко освещала окрестности, газовые фонари тускло горели вдоль кованой ограды, а за ней сиял огнями ночной город. Я оглянулась на темный замок, быстро сбежала по ступеням и припустила к приоткрытым воротам.

Редклиф Бенси

– Оуэн!

Редклиф смотрел на светящийся в темноте камень голософона и испытывал странное чувство. Казалось бы, он сделал то, что должен был сделать – уничтожил гверха и устранил опасность. Так почему же тревога, засевшая в груди, никуда не уходит?

– Милорд?

Голос стряпчего звучал настороженно. Чего не отнять у старика, так это его умения распознавать настроение хозяина.

– Узнай мне все про Александру Эйден.

– Но я ведь вам уже докладывал, милорд. Ей двадцать пять, не замужем, приехала из Уинтона.

– Чушь. Меня не интересуют эти басни. Я хочу, чтобы ты раскопал мне про нее все. Все, слышишь? Где родилась, кто ее родители, кто ее муж, где жила до переезда в Кранчестер. Ты меня понял, Оуэн?

– Да, милорд, – осторожно ответил старик.

– Действуй.

Редклиф погасил голософон и подошел к окну. Луна ярко освещала площадку перед домом, и тонкая женская фигурка, крадущаяся к воротам, была видна так отчетливо, что он мог пересчитать пуговицы на светло-синем жакете. Все до

единой. Он усмехнулся и снова поднес к губам переговорник.

– Саймон, девушку у ворот видишь?

– Прикажете задержать, милорд?

– Нет. Ни во что не вмешивайся и не пытайся остановить.

Просто проследи, куда пойдет. Если попытается покинуть город – останови и верни в замок. И докладывай мне обо всех ее передвижениях.

Редклиф прищурился, наблюдая, как беглянка проскальзывает в приоткрытую створку ворот и исчезает в темноте улицы.

– Слушаюсь, милорд, – ответил начальник караула, и Редклиф погасил голософон.

Что ж, оставалось только ждать. Интересно, куда пойдет Александра Эйден? Неужели попытается вернуться в Кранчестер? Первый поезд туда отправится только утром, как и почтовые кареты. Грасс! Вот как чувствовал, что от этой Александры стоит ждать неприятностей. Какая нелегкая принесла ее в Уинтшир? Чего ей в своем захолустье не сиделось? Нет же, появилась в самом неподходящем месте в самое неподходящее время. И главное, смогла увидеть то, что никак не должна была увидеть. Он ведь специально магический полог активировал. И был уверен, что тот работает. Так почему случился сбой? Что тому виной? Его недосмотр или магия самой Александры? Хотя, это сейчас не важно.

Редклиф устало потер переносицу. Достал из-за пазухи

почерневший от крови нож и внимательно осмотрел лезвие. Он не ошибся. Гверх был из высших. Вон какие разводы на серебре остались. Редклиф вспомнил, как раскалилась рукоятка, когда нож вошел в захваченное гверхом тело, и поморщился. Сил почти не осталось. Перед смертью донный сумел его задеть. Надо бы обработать рану, пока не воспалилась.

Редклиф вытащил из кармана флакон с восстанавливающим зельем, отхлебнул глоток и щедро плеснул на края раны. Привычно перетерпел обжигающую боль и устало рухнул в кресло. Грасс! Как неудачно с этой Эйден получилось. Но что еще оставалось делать? «Я буду молчать», – вспомнил он ее слова и поморщился. Молчание женщины? Он никогда не был наивным, да и семейная история сохранила примеры женской глупости. Мать, умудрившаяся сболтнуть лишнего не тем людям. Прапрабабка, предавшая Сеймура Бенси, своего мужа. А после них – Джоан Бенси, сбежавшая в столицу и попросившая убежища у тогдашнего канцлера. Неудивительно, что Уинтширы испытывали недоверие к женщинам. И он не был исключением. Это сейчас Александра Эйден готова пообещать все, что угодно, лишь бы сбежать от него подальше. А если слухи окажутся правдой, и Руфус действительно прибудет в графство и начнет искать компромат? Лучше перестраховаться.

Редклиф не привык полагаться на везение. Он давно уже усвоил, что удача – это тщательно подготовленная цепочка событий, и ничто не происходит само по себе. Поэтому все-

гда заранее планировал несколько вариантов развития событий, от условно-хорошего до откровенно-неприемлемого.

«Вы готовы жениться на разведенной женщине?»

Грасс! А вот это оказалось неожиданным. Зато теперь стало понятно, что такая женщина, как Александра, забыла в Кранчестере. Редклиф предполагал, что тут замешана несчастная любовь или что-то в этом роде, но все оказалось куда серьезнее. Развод. Это плохо. Теперь важно узнать, кем был ее муж, и понять, насколько все плохо.

В памяти всплыло разгневанное лицо, горящие глаза, покрасневшие щеки, и он почти помимо воли подумал о том, как хороша будет эта женщина в порыве страсти. В темноте спальни. В его постели. И тут же усмехнулся. Пожалуй, эта дикая кошка выцарапает ему глаза, если он только попытается осуществить свое «право мужа». Впрочем, так далеко он заходить пока не собирался. Редклиф никогда не принуждал женщин. Наоборот. У него не было недостатка в тех, кто мечтал оказаться в его постели. И он этим пользовался. Нет, понимал, конечно, что рано или поздно придется подыскать жену и продолжить род, но все это казалось таким далеким... Редклиф слишком дорожил своей свободой. И не думал, что придется променять ее на брак с разведенной женщиной.

«Я не выйду за вас замуж», – вспомнились ему слова Александры и ее дерзкий взгляд.

Смелая. Или глупая. Возражать графу? Простым людям это несвойственно. Да и порода в ней чувствуется.

– Кто же ты такая, Александра Эйден? – прошептал он вслух, задумчиво глядя на потрескивающее пламя свечи.

Огонек колебался, на стене плясали причудливые тени, из приоткрытого окна долетал аромат цветущих каштанов.

Редклиф потянулся и взял со стола бриллиантовые четки.

«Может, прекратите фарс и выпустите меня?»

Нет, не глупая. Напуганная, но не глупая. И порода определенно чувствуется.

Он покатал крупную бусину между пальцами.

Перед глазами снова возникло взволнованное женское лицо, чуть приоткрытые губы, небольшие, но невероятно чувственные.

В душе опять заворочалась тревога, и он, желая избавиться от нее, закрыл глаза и погрузился в медитацию.

Гладкие бусины привычно скользили в руке, их умиротворяющий стук совпадал с биением сердца, и постепенно мысли об Александре Эйден исчезли, уступив место знакомой холодной пустоте.

ГЛАВА 4

Александра Эйден

Я проснулась и подняла голову от стола, за которым сидела. Тело затекло от неудобной позы, правая рука занемела, а внутри снова появилось неприятное чувство. То самое, которое испытывала совсем недавно, и которое, как мне казалось, сумела победить. Ощущение, что я не управляю собственной жизнью. Оно было таким мерзким! Казалось бы, я делала все, чтобы собрать себя по кусочкам после развода и снова начать жить, а судьба опять проверяет меня на прочность. Как будто ей все время мало. Как будто она еще не сполна насладились моими страданиями, и жаждет большего. Еще и сон этот... Мне снова снился знакомый уже коридор и мужчина, поджидающий в темной комнате. Его губы, его руки, его ласки. В этот раз мы зашли гораздо дальше, и перед глазами до сих пор проносились картинки нашей близости. Крупные руки, сминающие грудь. Искусные пальцы, безошибочно находящие на моем теле самые чувствительные места. Горячие губы, умело покоряющие мои...

Я потерла ноющие виски и бросила взгляд в окно. Гостиница, в которой мне удалось снять номер, выходила на большую квадратную площадь «Гверхони». Название мне ни о

чем не говорило. Наверное, какой-то местный диалект.

Солнце уже поднималось над горизонтом, и его лучи освещали безлюдную пока площадь с памятником в центре, окружающие ее по периметру нарядные особняки, острый купол расположенной неподалеку церкви, яркие клумбы с петуниями. К слову, цветы были повсюду: в горшках у дверей, на окнах домов, на фигурных газонах у конной статуи. Яркие, пышные, они разбавляли строгие линии окружающих зданий и смягчали их четкие силуэты, придавая площади праздничный вид. В доме напротив распахнулось окно, и я увидела женщину в белоснежном чепчике. Она улыбалась и выглядела такой счастливой, что с моих губ сорвался невольный вздох. За последние полгода я уже и забыла, каково это – жить так легко и беззаботно, не ожидая удара в спину. Хотя, с другой стороны, если бы не все пережитое, разве сумела бы я сейчас оставаться такой спокойной? То ли у меня душа очерствела, то ли я больше не ждала от жизни ничего хорошего, но то, что произошло вчера, не вызывало ужаса. Наверное, даже у страха и отчаяния есть свой предел. Убийство, свидетелем которого стала? Странное замужество? Непонятное будущее? Все это казалось каким-то ненастоящим. И единственное, чего я хотела, так это вернуться в Бужинный коттедж и обо всем забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.